

УДК 94(47)"1914/17"

UDC

DOI: 10.17223/23451734/4/3

ЗАЩИТИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО Д-РА КАССИАНА ДМИТРИЕВИЧА БОГАТЫРЦА ПЕРЕД ВЕНСКИМ ВОЕННЫМ СУДОМ – ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ

Р.Д. Мирович

Авторское резюме

В материале, подготовленном в свое время к публикации Р.Д. Мировичем, публикуется «Защитительная речь» и «Последнее слово» о. Кассиана Богатырца на Втором Венском процессе 1916-1917 гг. Выступление о. Кассиана аргументированно, он ссылается на труды известных ученых и исторические факты, показывает абсурдность расценивать принадлежность к панславизму, русофильству и православной вере как основание для обвинения в государственной измене. Материал состоит из трех частей. В первой части, написанной самим Р. Мировичем, - «Защитительная речь и заключительное слово д-ра Кассиана Дмитриевича Богатырца перед Венским военным судом - замечательный исторический документ», излагается предыстория данного процесса: информация о Львовском процессе 1914 г., репрессиях во время войны, Первом Венском процессе и о мужественном поведении о. Кассиана на Втором Венском процессе.

Во второй и третьей частях приводятся полные тексты «Защитительной речи д-ра Кассиана Дмитриевича Богатырца, произнесенной 6, 7 и 8 сентября 1916 года перед Венским военным судом в процессе о государственной измене» и «Последнего слова д-ра К.Д. Богатырца перед вынесением приговора, произнесенного перед Венским военным судом 25 января 1917 года».

Несмотря на блестящее выступление о. Кассиана, его и еще 15 обвиняемых приговорили за «измену» к смертной казни. Ее удалось избежать благодаря амнистии нового императора Австро-Венгрии Карла I, объявленной весной 1917 г.

Данная работа Р. Мировича публикуется впервые.

Ключевые слова: Кассиан Богатырец, Второй Венский процесс, Австро-Венгрия, православие, Буковина, русин.

The Defence Address and Concluding Statement of Dr. Kassian Dmitrievich Bogatyrets before a Viennese Military Court - a Remarkable Historical Document.

R.D. Mirovich

Abstract

The "Defence Address" and "The Concluding Statement" of Father Kassian Bogatyrets at the Second Viennese Trial of 1916-1917 are in the material, which was prepared in due course, for publication by R.D. Mirovich. In his address Father Kassian argumentatively, with reference to the works of other well-known scholars and historical facts showed the absurdity of considering belonging to Panslavism, Russophilism and Orthodoxy as a basis for treason. The material is composed of three parts. The first part, written by R. Mirovich himself, is composed of "The Defence Address and Concluding Statement of Dr. Kassian Bogatyrets before a Viennese Military Court - a Remarkable Historical Document", a pre-history of the given trial: the 1914 Trial of L'viv, repression during the war, the first Viennese Trial and the brave stance of Father Kassian at the Second Viennese Trial.

The second and third parts cite the full texts of "The Defence Address of Dr. Kassian Dmitrievich Bogatyrets given on Sept. 6, 7, and 8, 1916 before the Viennese Military Court Regarding Treason" and "The Last Word of Dr. K.D. Bogatyrets Given Before the Viennese Military Court Before Conviction on January 25, 1917".

Despite the brilliant address of Father Kassian, he and 15 other accused were sentenced to death for "treason". They managed to avoid this sentence because of the amnesty granted them in the Spring of 1917 by the new emperor of Austro-Hungary Charles I.

This is the first publication of R. Mirovich's work.

Keywords: Kassian Bogatyrets, Roman Mirovich, The Second Viennese Trial, Austro-Hungary, Orthodoxy, Bukovina, Repressions, Rusin, Rusyn, Ruthenian.

Еще задолго до Первой мировой войны началось плановое, систематическое гонение, всякого рода репрессии со стороны австрийского правительства и его пособников – польских шовинистов и украинцев-сепаратистов мазепинского толка против карпатурского населения Галичины и Буковины (не говоря уже о мадыарском засилии на Закарпатской, или, по тогдашнему наименованию, Угорской Руси), против галицких и буковинских культурно-просветительных и экономических обществ – вообще против любого, даже

самого безобиднейшего проявления жизни карпаторусского народа.

Везде и всюду «чуялась» «государственная измена», угроза Польше «од моржа до моржа» и «самостийной Украины»: и в изучении русского языка и неподдельной русской истории, в употреблении этимологического правописания (вместо фонетического, нововведенного в политических целях), в отстаивании прав православного греко-восточного обряда, даже в отстаивании своего исторического русского имени и проч., и проч.

Эпилогом этих репрессий явился Львовский политический процесс о государственной измене накануне (май-июнь 1914 г.) Первой мировой войны против подсудимых Семена Юрьевича Бендасюка – публициста, православных священников Максима Тимофеевича Сандовича и Игнатия Филипповича Гудимы и студента Василия Андреевича Колдры.

Процесс этот кончился оправдательным приговором присяжных заседателей, но, невзирая на это, сейчас же в начале войны М.Т. Сандович¹ был зверски без суда расстрелян, а И.Ф. Гудима² очутился в горьком заточении в концентрационном лагере в Талергофе, где заболел душевно и, вернувшись в таком состоянии на родину, был впоследствии убит фашистами во время гитлеровской оккупации. Остальные подсудимые – С.Ю. Бендасюк и В.А. Колдра - избежали печальной судьбы своих сотоварищей только благодаря тому обстоятельству, что в начале войны очутились за пределами австро-венгерской монархии, т. е. в России.

Воистину неистовая гроза разразилась над Галицкой Русью с самого начала войны 1914 г., когда, вследствие отмены самых элементарных конституционных гражданских прав и замены их военным беззаконием, граждане Австрийской империи лишены были малейшей возможности юридической защиты и были отданы всецело на произвол австро-мадьярской военщины и ее прислужников.

Бездарное австро-венгерское командование, пытаясь оправдать свои поражения и неудачи на поле брани в боях с русской армией, искало всюду причины этих поражений в мнимой «измене» галицкого и буковинского мужика и интеллигента и, пользуясь при этом усердными услугами польских «патриотов», мазепинских «самостийников» и еврейских прислужников, дало полную волю своим диким, зверским инстинктам с целью уничтожения коренного населения Прикарпатской Руси.

Пали жертвой многие тысячи повешенных, расстрелянных и зверски замученных без суда, как тоже и на основании формально вынесенных приговоров военно-полевых судов, где не материаль-

ная, фактически доказанная истина, но злобные ложные доносы и заведомо ложные показания были достаточной причиной, чтобы лишить человека того, чего нет ценнее и чего ему ни возместить, ни вознаградить невозможно, т. е. жизни.

Заполнились заключенными тюрьмы и концлагеря Терезин, Талергоф, Геллерсдорф, Штейнкламм и многие другие лагеря, десятками тысяч обреченных почти на неминуемую гибель из-за отсутствия самых примитивных условий жизни даже тюремного заключения в мирное время, подверженных к тому жестокому солдатскому произволу.

В итоге тысячи страдальцев-мучеников сложили свои головы в чужой, неродной земле.

О материальных убытках населения Прикарпатья, о сожженных дотла селениях, грабежах имущества и других разрушениях (все это, конечно, не от руки «неприятельских завоевателей», а от руки австрийцев), превосходящих опустошения монголо-татарских нашествий, даже и говорить не приходится в сравнении с этими страшными жертвами в людях, какие перенес народ Прикарпатья.

Но мало всего этого было австрийским империалистам. Они ангажировали еще два «показательных» политических процесса о государственной измене против передовых русско-народных деятелей Галичины и Буковины, чтобы придать видимость законности своим варварским, бесчеловечным действиям во время военного террора.

И хотя в этих процессах были вынесены смертные приговоры, эти приговоры ни в чем не доказывают вину подсудимых, а наоборот – являются для них ареолом их патриотизма и любви к Родине, для провозгласивших же эти приговоры палачей и их пособников (доносчиков, лжесвидетелей и проч.) эти приговоры являются неизгладимым пятном на их черной совести.

В первом из этих процессов перед Венским дивизионным судом, который продолжался с 21/6 по 21/8 1915 года, были приговорены к смертной казни депутаты австрийского парламента д-р Дмитрий Андреевич Марков и Владимир Михайлович Курилович, русский подданный журналист Дмитрий Григорьевич Янчевецкий, адвокаты д-р Кирилл Сильвестрович Черлунчакевич и д-р Иван Николаевич Драгомирецкий, крестьянин Фома Яковлевич Дьяков и мещанин Гавриил Львович Мулькевич.

Во втором процессе, состоявшемся перед этим же военным судом с 4/9/1916 по 17/2/1917 года, были приговорены к смертной казни:

1. д-р Кассиан Дмитриевич Богатырец, православный священник из Буковины;

2. Илларион Юрьевич Цурканович, редактор из Черновиц;

3. д-р Семен Степанович Булик, адвокат из Мушины (на Лемковщине);
4. свящ. Роман Прислопский из Жегестова (на Лемковщине);
5. д-р Александр Гассай, канд. адв. из Мушины (на Лемковщине);
6. д-р Иван Сильвестрович Черлюнчакевич, адвокат из Скалата;
7. д-р Александр Иванович Савюк, адвокат из Сянока (на Лемковщине);
8. свящ. Николай Н. Винницкий из Галича;
9. свящ. Корнилий П. Сеник, б. деп. Галицкого сейма из Бережницы Королевской;
10. свящ. Раставецкий (в «Талергофском алманахе» - Роставецкий. - Ред.) Маркелл из Громна;
11. студ. Дмитрий Вислоцкий из Лабовой (на Лемковщине);
12. свящ. Иван Машак из Липицы Горной;
13. свящ. Иван Станчак из Высоцка;
14. студ. Иван Антонович Андрейко из Тылича (на Лемковщине);
15. Николай Громосьяк, крестьянин из Криницы (на Лемковщине);
16. Лука Константинович Старицкий, мещанин из Знесенья возле Львова.

Один из подсудимых, свящ. Гавриил Н. Гнатышак из Криницы, умер в тюрьме перед вынесением приговора, а семь остальных суд оправдал.

Палачам не судилось приступить к исполнению запавших смертных приговоров по причине, объявленной затем последним императором Австрии Карлом I амнистии, сама же Австрийская империя вырыла себе своей неразумной политикой угнетения своих славянских граждан давно заслуженную могилу, оставив после себя печальную память тюрьмы славянских народов.

Начальное место во Втором Венском политическом процессе занимает – не зря поставлен на первом месте обвинительного заключения – подсудимый д-р Кассиан Дмитриевич Богатырец, руководитель культурной и общественной жизни вообще в Буковинской Руси, который выступил на процессе с мужественной, блестящей защитительной речью и заключительным словом.

Глубокая уверенность в правоте своих убеждений, горячий патриотизм, логика научной аргументации, неустрашимость и бескомпромиссный героизм этих выступлений д-ра Богатырца, содержащие не личную защиту, а защиту тех высоких идеалов, за которые боролись, страдали и готовы были сложить свои головы галицко-русские деятели, придает этим выступлениям значение непреходящей ценности.

Не пустая демагогия и рассчитанное на временный эффект пустословие, а основанная на логике неопровержимых фактов и науки истина характеризует речи д-ра Богатырца – касается ли это инкриминируемого подсудимым, которого источником и колыбелью – как доказал оратор – была именно Австро-Венгрия с её ошибочной политикой угнетения своих славянских граждан, а не погодинская идеология; или относительно исторических корней русского народа в целом; мужественная же защита православной церкви как признанного в б. конституционной Австрии основными законами ее вероисповедания и разительный протест против нанесенных этой церкви оскорблений достоин стать рядом с апелляцией Ивана Наумовича к римскому престолу о поправлении прав греко-восточного обряда, которая явилась эпилогом подобного политического процесса о государственной измене во Львове 1882 года, известного под названием процесса Ольги Грабарь (матери маститого русского художника Игоря Эммуниловича Грабаря) и товарищей, в котором главную роль сыграли просветитель Галицкой Руси Иван Григорьевич Наумович и карпаторусский общественный деятель Адольф Иванович Добрянский (отец Ольги Грабарь).

В своих выступлениях д-р Богатырец не обошел молчанием и усердствующих в заклеимении «преступников» лжесвидетелей изпод знамени Мазепы, которые даже сами добровольно являлись на суды, чтобы бросить свои «распни, распни». Взять хотя бы для примера поведение на процессе тогдашнего лидера украинских националистов и председателя украинского парламентского клуба д-ра Костя Левицкого, который в полемической реплике с подсудимым д-ром К.Д. Богатырцем на заседании суда 19 октября 1916 г. выразился: «Оставьте меня со своими знаниями в покое, я лояльный австрийский украинец, а вы все являетесь государственными изменниками, которые заслужили виселицу».

Даже военный суд считал возможным вынести оправдательный приговор семи из общего количества 23 подсудимых, а этот локальный австрийский «украинец» желал всех поголовно видеть на виселице. Об гнусных инсинуациях этого «свидетеля» на основании стенографического протокола процесса д-ра Д.А. Маркова и тов. находим интересные сведения в кн.: д-р А.Е. Хилик «Виновники Талергофа в освещении исторических документов», Львов, 1933. Об этих «свидетелях» пишет один из узников Терезина и Талергофа Косма Николаевич Пелехатый*: «Не в этом дело, что приговоренные были

* Косма Николаевич Пелехатый (1886-1952), б. узник Талергофа и Терезина, был арестован в 1914 году как член редакции газеты «Прикарпатская Русь» во Львове. В Талергофе подвергался пытке подвешивания по прика-

позже помилованы, но в том, что свидетели эти не надеялись того, и они употребили всевозможные средства, чтобы только как можно быстрее дожидаться смертного приговора самых лучших сынов Руси. И Русь этого им не забудет!» (см. Косма Николаевич (Пелехатый), Второй Венский процесс, в кн. «Календарь о-ва им. Мих. Качковско-го на 1920 год», Львов, 1919, стр. 137).

Высокую оценку выступлениям д-ра Богатырца дали даже члены военного трибунала. Один из приговоренных соучастников этого процесса д-р Иван Антонович Андрейко говорит в своих воспоминаниях: «Бесспорно, удачно было прокурором озаглавлено наше дело, которое впредь будет именоваться "Уголовное дело Богатырца и товарищей". Д-р Кассиан Дмитриевич Богатырец - личность крупного таланта, всесторонне образованный, внешне представительный, лучший оратор, логично излагающий свои мысли. Лучшая и верная характеристика дана д-ру Богатырцу в приговоре, в котором на странице 34 сказано: "Д-р Богатырец – это прямо могущественная, величественная личность, которая своим всесторонним образованием, своим сильным, спокойным, но могущественным выступлением сумеет прямо заставить, чтобы его выслушали. Когда он говорит, его речи – это не пустые фразы"».

Лучшим доказательством богатырского мужества д-ра Богатырца являются его слова, брошенные военному трибуналу перед объявлением приговора: «Легко можно предвидеть, что нас военный суд приговорит к смертной казни, но я убежден, что ту Австрию, которая сегодня приговорит меня к смертной казни, я, наверно, переживу». Этими словами предсказал подсудимый неминуемую гибель дряхлой Австрийской империи, и, если принять во внимание, что это

зу мазепинца обер-лейтенанта Чировского за заявление о своей русской (русиш) национальности. После возвращения из Талергофа сотрудничал в галицко-русских изданиях, в том числе в издании «Календаря о-ва им. Мих. Качковского за 1920 год» (Львов, 1919), в котором поместил ряд очерков о репрессиях на Галицкой Руси в мировую войну В последующие годы примкнул к партии «Сельроб» и сотрудничал в газ. «Воля народа». При советской власти состоял заместителем председателя Львовского горсовета и затем председателем Львовского облисполкома; был избран депутатом Верховного Совета СССР и Верховного Совета УССР. Всегда живо откликался на нужды обращающихся к нему земляков. Состоял членом КПСС и был награжден орденом Ленина.

В 1959 году был издан Львовским книжно-журнальным издательством сборник его публицистики периода «Сельроба», причем личность автора охарактеризована довольно односторонне (ред. некий Гуменюк) и без надлежащего освещения его публицистической деятельности в целом.

было сказано перед военным судом и к тому же в грозное военное время беспримерного произвола, нельзя не признать автору этих слов мужества и героизма.

Вещие слова Кассиана Дмитриевича сбылись. Он пережил не только прогнившую Австрийскую империю, но и боярскую Румынию, которая одновременно с панской Польшей сошла бесславно с исторической арены. Он дождался воссоединения родной Буковины с остальной русской землей, что было его заветной мечтой.

Д-р Богатырец завершил свой славный трудовой жизненный путь 26 июля 1960 года в Черновцах на 92-м году жизни.

Своим мужественным выступлением в защиту народных идеалов он воздвиг себе прочный памятник, оставив благодарную память в сердцах своих земляков.

Р.Д.М.

(Роман Денисович Миревич)

ПРИМЕЧАНИЯ РЕДАКЦИИ

1. В июне 1914 г. решением суда был освобожден и вернулся в село Ждыня. С началом войны, 4 августа 1914 г., его снова арестовали. Также были арестованы его отец, крестьянин из Ждыни, затем брат и супруга. О. Максим просидел в тюрьме без предъявления обвинения до 6 сентября. 6 сентября 1914 г. без суда и следствия австрийская военная команда под предводительством ротмистра Дитриха расстреляла о. Максима во дворе тюрьмы в Горлицах на глазах его беременной жены, отца и односельчан. Последними словами Максима Сандовича были: «Да живет святое православие! Да живёт Святая Русь!». 14 сентября его отец, жена и брат были отправлены в концлагерь Талергоф (Талергофский альманах 1: 180-183). В 1994 г. Польская автокефальная православная церковь причислила священномученика Максима (Сандовича) к лику святых, в 1996 г. он был канонизирован РПЦЗ. 3 апреля 2001 г. Священный синод Русской православной церкви установил день памяти Собора галицких святых - 3-я неделя по Пятидесятнице. В Собор галицких святых входит и священномученик Максим (Сандович) (Суляк 2011: 132, 134).

2. Подробно биография о. Игнатия (Гудимы) изложена в материале епископа Иова (Смакоуза) (Иов 2011: 74-94).

ЗАЩИТИТЕЛЬНАЯ Д-РА КАССИАНА ДМИТРИЕВИЧА БОГАТЫРЦА, ПРОИЗНЕСЕННАЯ 6, 7 И 8 СЕНТЯБРЯ 1916 ГОДА ПЕРЕД ВЕНСКИМ ВОЕННЫМ СУДОМ В ПРОЦЕССЕ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМЕНЕ

Господин председатель военного суда, господа заседатели!

Почти два года тому назад нас, подсудимых, арестовали, и когда мы спросили, за что нас, полноправных австрийских граждан, не чувствующих себя ни в чем виноватыми, вдруг лишают свободы, нам ответили, что это случилось по приказу свыше, по причине неизвестной. Когда же нас вывезли на запад Австрии и после короткой интернировки в Св. Мартине перевезли в тюрьму в Линце, и там спросил нас комендант тюрьмы, кто мы и за что нас прислали к нему в тюрьму, мы, назвав себя, на второй вопрос должны были ответить, что не знаем.

После того как мы просидели в тюрьме несколько дней, нас привели перед следственным судьей, и только от него мы узнали, что наши имена нашли на каком-то листке, курсирующем между российскими офицерами, оккупировавшими Буковину.

После некоторого времени из Линца нас отослали в военную тюрьму в Вене, и тут только мы узнали от следственного судьи д-ра Гайта, что нас подозревают в государственной измене, и что мы арестованы по приказу шефа буковинской жандармерии полковника Фишера, обвиняющего нас в государственной измене.

И началось бесконечное предварительное следствие, которое продолжалось около полутора года, и только когда нам доставили обширный обвинительный акт, составленный военной прокуратурой, который вчера и сегодня нам здесь читали, мы узнали, в чем мы будто провинились. Из упомянутого акта мы и познакомились с многими событиями из нашей биографии, о которых мы ранее ничего не знали.

Мы узнали, что военный прокурор обвиняет нас в пропаганде столь опасного для Австрии панславизма, что основывали по селам Буковины, Галичины и Закарпатья читальни, райфайзенские ссудосберегательные кассы и что пропагандировали в народе «шизму».

О, святая инквизиция, о, блаженный Торквемада, какой счастливой радостью засияло бы твое лицо, если б ты узнал, что в двадцатом столетии в высококультурной Австрии нашелся ученик, кото-

рый обвинит пропагаторов «шизмы» и поставит их перед трибунал *sancti officii*, или по-нашему инквизиции, чтобы их приговорили к смерти за ненавистную «шизму».

Кроме того, и основание ученических общежитий и курсов изучения русского языка, и издание цензурируемых государством газет и журналов – всё это вменяется нам в вину, так как всем этим мы подкапываем основание могущественного австрийского государства. По крайней мере, так утверждает г-н военный прокурор.

Сравнивая это обвинение с давними историческими событиями, мне припомнился славный христианский апологет, написавший несколько известных апологетических сочинений, в которых защищал христиан против гонений, инсценированных римским государством против христиан. Итак, этот апологет Тертуллиан пишет: «Если дожди не выпадут вовремя и не появится засуха, сжигающая всю зелень, если Нил не разольется и не нанесет плодородного ила, если страну навестит голод или падеж скота, во всем вы обвиняете нас, христиан, за все мы виноваты, и требуете приговорить нас *ad bestias*. Да, времена повторяются. *Nihil novi sub sole*», говорил уже старый Соломон.

Все, что мы *bona fide* сделали для просвещения и для поднятия культуры нашего народа, все это мы делали только во вред нашего государства. Логикой такого представления дел пусть восхищаются другие, я отказываюсь от этого.

Присмотримся ближе и критичнее, в чем нас обвиняет г-н прокурор. Обвинительный акт в своей структуре состоит из двух частей: первая, очень пространная часть занимается широкими рассуждениями о панславизме, русофилизме и «шизме» (так называет г-н прокурор нашу законом признанную церковь православную, греко-восточную церковь). Г-н прокурор считает православную церковь опасной для австрийского государства, а пропаганду в ее пользу – изменой государству. В это трудно верить, но я докажу, что все это в порядке сложено в нашем обвинительном акте.

Г-н прокурор в общей части представляет в общих чертах панславизм, русофилизм и «шизму», т. е. православную веру, как опасны все эти «измы», как враждебны они для Австрии, чтобы после указать на нас, будто пользующихся учениями этих для Австрии столь опасных течений, как самых завязанных врагов Австрии.

Ввиду того что г-н прокурор этим своим хитрым планом намеревается выиграть дело, я постараюсь доказать на основании современной науки, что г-н прокурор построил дом своего обвинения на слабом фундаменте, на песке, что все эти фундаментальные камни

* Нет ничего нового под солнцем (Екклесиаст).

не те, как он их представил, а совершенно что-то другое, и они не смогут поддержать его обвинений.

У нас в Австрии привыкли к политическим процессам против славян, и каждый прокурор и обвинитель в таких антиславянских процессах исходит из того, что между славянами существует общеизвестное пугало, источник всякого зла, имеющий цель уничтожить многонациональную Австрию, а славян, австрийских граждан, оторвать от Австрии и подчинить России. Этим пугалом в данных случаях запугивали судей все прокуроры, чтобы получить приговор обвиняемых славян, а судьям дать возможность показать свой австрийский патриотизм, показать враждебных государству славян, а тем и заслужить себе похвалу, быть спасителями родины и получить награду - орден.

Этим пугалом пользовались все прокуроры, почему не воспользоваться им и нашему прокурору? Он и воспользовался им очень широко, представив его, конечно, в таком смысле, чтобы оно господам судьям показалось очень опасным для государства, а нас, обжалованных «панславистов», показал лютейшими врагами того же государства. Потому-то моей задачей будет показать высокому военному суду, что такое этот такой страшный панславизм и действительно ли он такой страшный и опасный для Австрии. Здесь и имею честь заявить, что все мои вышесказанные заявления и утверждения обоснованы на современной эксактной науке, а чтобы доказать, что это не голословные заявления, я приведу всегда и научные источники, чтобы г-н прокурор убедился и мог меня сконтролировать; я приведу и авторов сочинений, на которых я буду ссылаться.

В обвинительном акте представляется панславизм как изобретение русского панслависта Погодина, который в сороковых годах минувшего столетия выдумал его на то, чтобы эта его идея распространилась между численными австрийскими славянами, и чтобы затем этих славян оторвать от австрийского государства и присоединить их к России.

Эта злосчастная брошюра, в которой Погодин изложил свои антиавстрийские мысли, уже сыграла свою роль в одном процессе 1882 года (процесс Ольги Грабарь и тов.). Тогдашний прокурор выкопал упомянутую брошюру из архивной пыли и на этой брошюре создал свое уголовное обвинение об измене австрийскому государству, хотя и провалился, так как присяжные судьи не признали обвиняемых государственными изменниками, а только нарушителями общественного порядка.

Способ обвинения львовского прокурора чрезвычайно понравился нашему г-ну прокурору, так что он целые отрывки из упомя-

нутого львовского обвинительного акта списал дословно в своём обвинительном акте про нас со всеми его грамматическими и орфографическими ошибками.

(Здесь председатель прерывает оратора, заявляя, что такие вещи нельзя говорить против государственного прокурора.)

Д-р Богатырец:

- Я все мои утверждения докажу документально. У нас в Австрии, когда шло о том, чтобы какому-то славянскому народу нанести чувствительный удар, всегда прибегали к панславизму.

(Председатель прерывает.)

Д-р Богатырец:

- И это я докажу безупречными доказательствами.

Теперь я вернусь к панславизму, как он представляется в обвинительном акте, и что он такое в свете современной науки.

В нашем обвинительном акте о нем говорится, что он родился в России, а оттуда перебросили его в Австрию с целью уничтожения ее. Это совершенно неверно. Наоборот. Я докажу на основании неопровержимых документов, что понятие о панславизме, как оно представляется в нашем обвинительном акте, не то, которое указывает наука.

По нашему обвинительному акту панславизм основан Погодиным в России и оттуда переброшен в Австрию, чтобы там соединить всех славян, револютировать их и затем подчинить России. Значит, цель панславизма – чисто политическая, а что оно действительно так, доказывают, по мнению г-на прокурора, ученики Погодина – Ростислав Фадеев и французский журналист Эдуард Шуасель де Гуфие (Eduard Choisel de Gouffer) в своих публикациях, в которых они требовали дать галицко-русскому населению материальную и моральную помощь, а затем их землю присоединить к России. Так вот говорит львовский обвинительный акт против Ольги Грабарь 1882 года, так дословно повторяет и наш 1916 года!

(Председатель прерывает.)

Д-р Богатырец:

- Я всё это докажу на своем месте! На стр. 22 нашего обвинительного акта нахожу место, где сказано, что уже раньше галицко-русские украинцы упрекали галицко-русских интеллигентов во враждебности к Австрии. Так, уже о. Стефанович в своей газете «Сим», № 4...

Читая это место в нашем обвинительном акте, я долго не мог понять, в чем дело. Только после продолжительных студий я нашел, что о. Стефанович издавал периодический журнал «Сион», а прокурор наш, списывая такое прекрасное и эффективное обвинение,

написал его так же ошибочно, как его львовский подлинник «Сим»! Господин председатель может скоро убедиться, что дело действительно обстоит так, как я говорю, если сравнит наш обвинительный акт с львовским от 1882 года.

На стр. 24 нашего обвинительного акта упоминается газета «Гатчука» («Gatzuk»), которая в львовском оригинале приводится как газета «Гатчука» («Gatczuk»), так и у нас, с той же орфографической ошибкой. По-моему, следовало бы при составлении обвинительного акта, где идет о жизни и смерти обвиняемого, более критически и добросовестно оценивать обвинительные материалы, а не списывать их без всякой критики со времени совершенно других общественных обстоятельств полстолетия тому назад!

Понятия, основания и принципы панславизма в нашем обвинительном акте до того попутаны и неверны, что опровержение их не будет представлять большой трудности.

Не в России, а в нашем же отечестве, в Австрии, родилось славянофильство - так назывался сначала панславизм между словаками в Угорщине. Словаки, одна часть которых перешла в протестантизм, - очень развитый народ, из среды которого вышли несколько ученых мужей, которые сыграли в латино-венгерской литературе довольно видную роль. Когда же в течение времени выработался мадьярский литературный язык и мадьяры завели во всех школах Венгрии венгерский язык, не допуская другого языка, как только венгерский, тогда в культурном высокоразвитом словацком народе возник протест против несправедливых мер, принятых мадьярским правительством, и родилась идея организовать все славянские народности Венгрии и заставить венгерское правительство допустить и словацкий язык в Словакии. Так родилась между словаками идея славянофильства.

Сейчас, в начале 19-го столетия, в 1802 году в Братиславе (Пресбург) основана «Славянская Академия», задачей которой было не допустить мадьяризации словацкого народа, проживающего в Венгрии, и поддерживать национальное сознание словаков. Знаменитым учителем той школы был первый ректор «Славянской Академии» и профессор славянской литературы Иван Палкович.

Против деятельности «Славянской Академии» выступили энергично омадьярщенные сыны словацкого народа, которых звали «мадьяронами» - известные деятели Пульский, Людвиг Кошут и граф Зай.

Эта первая «Славянская Академия» имела большое влияние на национальное развитие славян, прежде всего в Венгрии, особенно между кроатами (хорватами), словинцами и сербами, которые и у

себя поосновывали такие же академии. Известно, что сербский митрополит Стефан Стратимирович из Карловаца поддерживал материально сербскую «Славянскую Академию» и постоянно устраивал в своей епархии даже денежные сборы в ее пользу.

Первый выдающийся славянофил из словацкой школы был славный ученый словак Иосиф Дубровский (1753-1823). Его сочинения, занимающиеся исключительно славянофильством (панславизмом), следующие: «Das Lehrgebäude der böhmischen Sprache» («Учебное здание чешского языка»), появилось в 1809 году; «Ethymologie der slawischen Sprachen» («Этимология славянских языков»), появилось в 1814 году; «Geschichte der böhmischen Sprache und Literatur», 1791-1818 («История чешского языка и литературы»); «Geschichte von Halitsch und Vladimír», 1792 («История Галича и Владимирии»); «Geschichte des ungarischen Reiches und seiner Nebenländer» (1797-1804) («История венгерского государства и его соседних краев»). Его сочинения воскресили в сердцах народа славянские чувства, а его «История Галичины» немало содействовала пробуждению национального чувства Галицкой Руси.

Как видим, место рождения славянофильства (панславизма) - не Россия, а наша таки Австрия, и оно (славянофильство) было вызвано формированием мадьяризации словацкого народа мадьярским правительством. Основанием идеологии славянофильства были приведенные сочинения Дубровского, которые скоро распространились и в других славянских провинциях Австрии, а затем и за границы.

Во время Дубровского проживал в Братиславе известный австрийский и немецкий историк Иоганн Христиан Энгель, к которому обратилось австрийское правительство, оккупировавшее тогда Галичину, с предложением, чтобы он написал историко-научное сочинение о Галичине, ее жителях, кто они такие, об их происхождении, об их политическом и экономическом состоянии.

Профессор Энгель обработал требуемый материал вместе с Дубровским; этот последний - со славянской точки зрения, а Энгель - с исторической.

Энгель был раньше омадьярщенный немец и поддерживал мадьяризацию немадьярских, особенно славянских народностей. Познакомившись с Дубровским и изучив ближе славянский вопрос, он начал относиться к славянам с большой симпатией, так что в его «Истории Галича и Владимирии» он высказывается о русских жителях новоприобретенного Австрией края Галичины довольно симпатично и советует Австрии дать славянам Галичины одинаковые права с другими народами.

История Энгеля нашла между галичанами и буковинцами, понимающими тогда уже довольно хорошо немецкий язык, широкое распространение, так что и галичине, и буковинцы познакомились со своей историей и славянофильством из исторического сочинения Энгеля, показывающего в своей истории единство русского народа, проживающего в Галичине, с народом русским, проживавшим за границей Галичины в русском государстве.

После Дубровского развивал славянофильскую идею словацкий поэт Ян Коллар, издавший в 1824 году «Коллекцию песней» (около 600) между которыми было стихотворение «Slavy dcera» («Дочь Славии»), где славянская идея прекрасно и живо представлена. Передаю ее кроткое содержание на немецком языке, чтобы познакомить высокий военный трибунал с панславизмом австрийским: «О, Славия, как сладок каждый звук твоего имени! Много страданий ты перетерпела, не только от врагов, но также и от твоих собственных и неверных сынов. Широко ты распространилась от Урала до Татр, от Праги до Москвы, от Петербурга до Константинополя, от Дубровника до Камчатки! И в целом этом пространстве звучит славянский язык. Возрадуйтесь этой нашей великой **Всеславией!**

Если бы славянские ветви были золото, серебро или вообще благородные металлы, я отлил бы из них грандиозный монумент, головой которого была бы Россия, плечи и руки - чехи, туловище - поляки, ноги - сербы, а прочие племена - одежда и оружие. Перед этим грандиозным монументом, доходящим до самых туч, и от шагов которого колебалась бы земля, вся Европа должна бы преклониться. Через 100 лет славянский элемент распространится по всем краям, а языком его - который немцы называют языком рабов - будут говорить в великолепных палатах, и даже враги его будут говорить этим языком. Наука потечет славянскими руслами, а наши одежда, нравы и песни войдут в моду на берегах Сены и Лабы. О, если б я вовремя родился во время славянского господства или, по крайней мере, воскрес к новой жизни!»

Что Коллар высказал в поэме «Дочь Славии» в поэтической форме, то пояснил он точнее в научной студии, написанной по-немецки: «Über die literarische Wechselseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der slavischen Nation» («О литературной взаимности между разными племенами и диалектами славянской нации»). Там говорит он, что славянство представляет собой больше дерево с многими ветвями, одна больше, другая меньше, но все происходящие от одного корня. Между славянами должны уже исчезнуть все недоразумения, ссоры, споры и недоверие, продолжающиеся целыми столетиями, чем пользуются враги в ущерб славянам.

Пусть наконец водворится между славянами взаимное понимание, доверие и взаимная дружба.

Славяне должны всегда иметь в виду, что только единодушие может защитить их перед денационализацией, национальной гибелью. Славяне должны стараться узнать друг друга. Они должны знакомиться со славянскими языками. Каждый славянский ученый должен знать все славянские языки или, по крайней мере, русский, чешский, польский. Славяне должны войти в духовную связь между собой, должны помогать друг другу, поддерживать друг друга, соблюдать между собой духовную общность, основывать книжные магазины, обмениваться книгами, газетами, журналами. Для изучения славянских языков следует составить сравнительные словари, распространять между собой славянские литературы и вообще предпринимать всевозможные меры, чтобы славян тесно связывать между собой.

Из этой программы будущего развития славянства выходит ясно, что везде говорится не о политическом объединении, а о чисто умственном и культурном; а все-таки из-за распространения этих идей не только мадьярские, но и австрийские власти боялись сплочения славян, которые в Австрии и в Венгрии представляли большинство, поэтому и немцы, и мадьяры изобрели славянское пугало – панславизм, и все старались создать угодных себе славян, воспитывая их в ненависти к России, могучей славянской державе.

И Коллара преследовало мадьярское правительство и передавало его суду, но суд, не находя конкретных преступлений за Колларом, освобождал его. И как раз преследование Коллара причинилось к быстрому распространению славянофильства в народе. Как видно, у нас *historia non est magistra vitae*.

Самым знаменитым учеником Коллара был общеизвестный и авторитетный Павел Йозеф Шафарик (1795-1861), глубоко вникнувший в идеологию Коллара. Шафарик сумел в своих сочинениях очень ясно и глубоко научно представить славянофильство и панславизм ученому миру. Его «История славянского языка и литературы» и «Славянские древности» («Geschichte der slavischen Sprache und Literatur», 1826 и «Slovanske Starozitnosti», Pest, 1836) составляют, так сказать, основание славянофильства (панславизма).

Словацкие литераторы и политики, как Лудовит Штур, Иосиф Гурбан, Михаил Годжа, Главачик и другие, все ученики Славянской Академии, выступали со всей энергией против мадьяризации словацкого народа, за что мадьярские власти преследовали их со всею жестокостью. В 1836 году они (мадьярские власти) закрыли все словацкие общества, исключили словацкий язык из всех школ и проте-

стантских церквей. Сначала распространялась мадьяризация только на католических словаков, а затем, когда инспектором протестантских церквей между словаками был назначен словак-мадьярон граф Зай, - и на протестантских. Зай заявил, что до 25 лет в Венгрии будет только один народ - мадьярский, если судьба словацкого народа останется в его руках.

Посредством сочинений Дубровского и Шафарика познакомились австрийские славяне со славянофильством. Славянская идея начала в Австрии быстро распространяться, и мадьяры испугались, что со временем на юге Австрии могла бы возникнуть из угорских славян новая славянская провинция под режимом Габсбургской династии, чего гипернационально настроенные мадьяры никак не хотели допустить. Тогда они выступили с беспощадной энергией против славянских патриотов, против распространения славянофильской идеи со всею силой и жестокостью. Они закрыли прежде всего в 1836 году славянское «Общество славянских народностей» и запретили употребление словацкого языка в школе и в церкви; этой мерой они надеялись приостановить распространение славянской идеи. Кроме того, они преследовали и всех славянских деятелей. В 1840 году назначен инспектором словацкой протестантской церкви граф Зай, который, хотя словацкого происхождения, был заядлым мадьяроном - так называли омадьярщенных лиц немадьярского происхождения, - который однажды заявил перед словацкою знатью публично, что через 25 лет в Венгрии будет только один язык и один народ - мадьярский, если судьба словацкого народа останется в его руках.

Против руководителей славянского движения мадьярское правительство пустило крутые меры. Клеветнические доносы и уголовные процессы были на дневной очереди, один чудовищнее другого. Скоро поарестовывали всех руководителей и народных деятелей и посадили в тюрьмы; настал неопиcуемый террор. Так, обвинили в 1841 году предводителя словацких студентов Лудовита Штура в государственной измене и поставили его перед судом, который, однако, его оправдал. С таким же результатом кончился и суд над Яном Колларом.

Ограничение прав словацкого народа мадьярским правительством вызвало в словацком народе глубокое негодование и сильное движение. Посыпались протесты против мадьярского террора и гнета. Поддержанные народными массами организовались словацкие деятели, и 200 словацких патриотов выступили с энергичным протестом, приложили к протесту и пространный, хорошо обоснованный мемориал, где были представлены все кривды, и беззакония, и

террор со стороны мадьярского правительства, поехали в 1842 году в Вену и передали императору свою жалобу-мемориал с просьбой защитить словацкий народ перед террором и беззакониями венгерских властей. Последствием прошения было, что положение словацкого народа улучшилось, но после некоторого времени на Словаччине все вернулось к старому, мадьяры начали повторять свои террористические приемы, а затем прямо-таки по-прежнему преследовать.

Не только словаки, но также и хорваты подпали под влияние славянофильской идеи и энергично реагировали против денационализации – омадьярщивания, за что и в Хорватии взялись мадьяры, так как и у хорватов славянская идея нашла хорошую почву. Первым панславистом между хорватами был Лудвиг Гай (рожд. 1800 г.). В 1826 году он издавал журнал «Лука», позднее – «Иллирийские народные ведомости» (*Illyrische Volksnachrichten*), в которых популяризовал славянские идеи Дубровского и Шафарика. Но он скоро перешел на политическое поприще, проектируя основать большую югославянскую державу, в состав которой входили бы Сербия, Босния, Герцеговина и Болгария. Таким образом, основалась бы «Австро-Венгерская-Югославянская Триединая Держава».

Оппозиция против острых централистических правительственных мер Меттерниха быстро открыла в Богемии (Чехии) дверь для славянской идеи. Благоприятную для нее почву открыли там противоположности между чехами и немцами, жившими в постоянной борьбе, и соединили чешских славянофилов школы Коллара и Шафарика. К ним примкнули и представители высокого дворянства, верных сторонников чешского государственного права и краевой автономии. Научным поборником этой идеи был Палацкий, который имел много сторонников между феодальным дворянством. Все они надеялись добороться своего права с помощью всеславянской идеи.

И австрийское, как и мадьярское, правительство видело в панславистической идее опасность для своего существования, боясь, что славяне возьмут верх и присоединятся к России, могучей славянской державе. И в Австрии началось преследование сторонников панславизма, и здесь пустили в ход против сторонников этой идеи, всеславянских деятелей, уголовные процессы, которые, как и в Венгрии, за неимением конкретных уголовных фактов кончались всегда оправданием обвиняемых.

И в Австрии или, точнее сказать, в Чехии, как и в Венгрии, правительство обратило свое особенное внимание на поборников славянофильской идеи. Директор полиции в Вене Седельницкий

(Sedelnicky) организовал тайную полицию, обязанностью которой было следить зорко за всеми славянофилами и не допускать пропаганды панславизма. С этой целью австрийское правительство установило во всех столицах государственных провинций тайную полицию специально для наблюдения за панславистами.

Для характеристики тогдашних времен полицейского самоволия и болезненной подозрительности, что все новые печатные произведения могли бы принести государству ущерб, я приведу общеизвестные факты, что немецкому поэту Анастасию Грин (псевдоним графа Ауэрсберга) венская цензура не разрешила печатать его сочинение «Прогулки венского поэта» («Spaziergänge eines Wiener Poeten»), и это сочинение напечатано в Гамбурге. Так и другому немецкому поэту Николаю Ленау не разрешено печатать сочинение «Польские песни» («Polnische Lieder») в Вене, и он напечатал их в Гамбурге.

Интересно будет для полноты моего доклада о панславизме добавить еще один род панславизма, имевший широкое распространение между поляками.

Известно, что после неудавшегося польского восстания в 1831 году значительная часть польских дворян, как Иосиф Богдан Залеский, Владимир Терлецкий и др. эмигрировали в Париж, где Мицкевич создал новый вид всеславянства: Польшу можно возобновить, но только в том случае, если все славянские племена примут католицизм и таким образом тесно свяжутся католицизмом. Если полякам удалось бы присоединить всех славян к католицизму, так что католицизм сделался бы всеславянской религией, тогда всеславянский католицизм имел бы силу соединить и воскресить расчлененную Польшу.

Как видим, всеславянская идея была уже широко развита и распространена, когда этой идеей начали интересоваться русские ученые, между ними и Погодин, этот столь любимый для австрийских прокуроров всех тенденциозных процессов столь «нужный» изобретатель панславизма.

Все эти гг. прокуроры утверждают - конечно, неверно, - что панславизм нарочно придуман в России, чтобы им уничтожить Австрию. Между тем мы видели - и это на основании эксактной исторической науки, что панславизм не из России пришел в Австрию, а наоборот, из Австрии в Россию.

Познакомившись с славянофильством, русские ученые начали его широко разрабатывать. Так, Броневский, Кайдаров, Тургенев, особенно же историк Карамзин, который свою «Историю России» поставил на славянском основании, разделяя народы и языки по грамматике Дубровского. Под влиянием панславизма стоят и сочинения графа Румянцева, Востокова, Погодина.

В 1814 году основаны в Москве «Общество для славянской истории и археологии» и кафедра славянских языков и литературы.

Начиная с 1830 года российское правительство посылало студентов, чтобы знакомились со славянскими языками и славянской литературой, чтобы затем занять в России соответствующие кафедры. В то время как русская историческая и филологическая наука обосновалась на славянском фундаменте, основано в Москве «Славянское общество», в котором писатели братья Иван и Петр Киреевские, братья Константин и Иван Аксаковы и Хомяков играли самую важную роль. Применяя к всеславянской идее философию Шеллинга, в России тогда очень популярную, пришли русские славянофилы к заключению, что в Европе невозможно провести в жизнь гуманистическую идею Шеллинга иначе, как только в комбинации с славянофильством. Хомяков утверждал, что нравственность Европы разлагается и гниет, что государства Западной Европы, испорченные римским католицизмом, нравственно падают и не в состоянии провести в жизнь, осуществить самую высшую идею человечества, а именно идею гуманизма.

На западе образовались государства механически, посредством господства и силы, насилия, христианства и государственной церкви. Но они понимали христианство в смысле римской государственности. Первоначально на западе зависела церковь от государства, после, набрав силы, церковь сама сделалась государством.

Россия, однако, получила христианство из Византии и соблюла свою независимость и самостоятельность. Вселенские соборы дали православной церкви единство. Воля индивидуальная не ограничивается, так как государство не считает себя святым.

Константин Аксаков говорит, что российское государство создано не насилием, а по необходимости и нравственному убеждению в потребности его существования. Народ обрабатывал землю, а государь ее защищал. Основанием российского государственного порядка была община. Аристократии в смысле западноевропейском, высокого дворянства не было. Реформа Петра Великого нарушила союз между землей и государством. По мнению русских славянофилов, русский народ - это народ избранный, назначением которого было, в силу его нравственных свойств, его миролюбия, его любви к земледелию и его ненависти к военным предприятиям, провести возрождение Европы. В русском народе видели славянофилы смирение, стремление к кротости и жизненной правде, отсутствие высокомерия и высшего блеска. Признавая союз народа с государством, славянофилы требовали свободы устного и письменного слова. Первые русские славянофилы были православно религиозные, лю-

били народные предания и изучали основы богословия. В частной жизни придерживались свято старины, старомодных одеяний.

После Крымской войны возрос русский панславизм (славянофильство); несчастный исход этой войны приписывали славянофилам западничеству (слепому подражанию западной культуре, науке, порядкам, искусству и мировоззрениям). Показалось, что Россия с ее взятыми от Запада порядками - коротко западничеством - не в состоянии исполнить свою задачу в мире. Царь Александр II решил под влиянием славянофилов провести реформы в своем государстве на славянском основании.

Русское славянофильство, или панславизм нашел своего научно-основоположника, который его научно систематизировал и таким образом доказал его право на существование. Это совершил ученый славист-славянофил, публицист и писатель Н.Я. Данилевский, который в своем знаменитом сочинении «Россия и Европа» (изд. в СПб., 1885) представил русское славянство, панславизм в систематической и научной форме.

Данилевский показывает в своем сочинении, что мировая история развивалась при следующих культурно-исторических типах: 1) египетский, 2) китайский, 3) старосемитский, ассирийский, вавилонско-финикийский, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) новосемитский, 10) германо-романский, или европейский. Много из этих типов перестали существовать, не достигнув своего совершенства, другие еще существуют и развиваются далее.

Славяне представляют зародыш иного исторического типа. От них самих зависит выполнение их исторической задачи. Коли славянство по каким-либо причинам, внутренним или внешним, не было бы в состоянии выработать свою самобытную цивилизацию и сделаться активным органом цивилизации и таким образом вступить на ступень развитого культурно-исторического органа человечества, тогда для него не остается ничего другого, как только разойтись, развязаться и превратиться в этнографический материал, потеряв свой созидательный и творческий принцип, чтобы своими творениями, своим потом и кровью кормить чужой, более благородный прививок. Если славяне хотят исполнить свое назначение в мире, тогда они должны примениться к законам, по которым развиваются культурно-исторические типы.

Каждое племя или народная семья, характеризующаяся особым языком или группой сродненных языков, составляет самостоятельный культурно-исторический тип, если она вообще в силу духовных задатков способна к культурному развитию и выросла из детского возраста.

Чтобы цивилизация, присущая такому культурно-историческому типу, могла успешно развиваться, непременно нужно, чтобы соответствующие народы были политически независимы.

Главные основания цивилизации культуры такого исторического типа не передаются целиком народам другого типа. Каждый тип перерабатывает ее под большим или меньшим влиянием предыдущей или современной цивилизации.

Цивилизация, присущая каждому культурно-историческому типу, достигает только тогда своего завершения, разнообразности и богатства, если все этот тип представляющие элементы не поглощены политической целостью, но будут между собой один от другого независимы, составляют федерацию общего политического государства.

Идея, которую славянство хочет осуществить, - это идея христианская, утверждает Данилевский, идея общей любви ближнего, идея всеобнимающего гуманизма. Этой идеи романо-германский мир не мог осуществить потому, что этот мир придал слишком много значения насилию и интересам личности. Борьбу и конкуренцию создал английский характер, борьбу подняла Германия до высоты народного идеала (турниры, дуэли и др.).

Что касается христианства, говорит Данилевский, то все формы христианства называют своей основой божественное откровение, но они расходятся в понимании откровения и в понятии устройства церкви.

Существуют четыре концепции о церкви:

1) **Православная церковь**, по которой церковь - это совокупность всех верующих всех времен, всех народов под главенством Иисуса Христа и под правлением Св. Духа и признание Вселенским собором непогрешимости.

2) **Католическое** понятие о церкви, по которому понятие о церкви концентрируется в лице римского папы и приписывает тому также и непогрешимость. Католицизм пропитался романо-германскими понятиями о борьбе и назвал свою церковь воинствующей.

3) По **протестантскому** понятию о церкви следует подчеркнуть, что право понимания божественного откровения признается за каждым членом церкви, и, следовательно, каждый член церкви непогрешим в своих религиозных понятиях.

4) Мистические понятия **квакеров** и **методистов**, учащие, что непогрешимость получает каждый член общины от Св. Духа и каждый силою Св. Духа сам сознает и чувствует, что он просвещен Св. Духом.

Данилевский убежден, что только православная церковь верно и правильно смотрит на церковь, ее значение, ее характер и на уче-

ние Христа. И потому-то русские славянофилы считают православную церковь основанием своих воззрений, но, несмотря на то, они проповедовали широкую веротерпимость и осуждали остро всякую вероисповедную нетолерантность и насилие против других вероисповеданий. Для славян, учит Данилевский, после Бога и их православной церкви должна быть славянская идея (идея любви ближнего) самой высшей идеей, выше, чем наука и образование.

О государстве говорит Данилевский, что оно должно защищать национальность, и государство должно быть национальным государством.

К русским славянофилам принадлежали, кроме уже названных, еще Самарин (†1876), Тютчев (†1873), Достоевский (†1881), Срезневский (†1880), Бодянский (†1878), Гильфердинг (†1872), Будилович (†1908), Ламанский и др.

Славянофилы открыли в 1861 г. в Москве «Славянский благотворительный комитет» для поддержки славянской литературы, славянских учащихся, вообще для поддержки славянских культурных стремлений.

В 1857 году устроили русские славянофилы славянскую этнографическую выставку, в которой участвовали и австро-русы Ливчак*,

*Ливчак Иосиф Николаевич (1839-1914). Участник славянской этнографической выставки 1867 г. и издатель журнала «Славянская Заря» известен не только как общественный деятель и журналист, но тоже как выдающийся в свое время изобретатель. В книге: Е. Немировский и В. Горбачевский «Рождение книги», Москва, изд. «Советская Россия», 1957, стр 119-121, читаем: «Ливчак Иосиф Николаевич род. в 1839 году в деревне близ Перемышля в семье священника. Будучи едва молодым человеком, стал известным политическим деятелем, издателем и журналистом. Преследования австро-венгерского правительства вынудили его эмигрировать в Россию, где имя его стало известным как изобретателя (его сочинения: «Автоматический ружейный огонь как начало неизбежного переворота в военном деле»; «Об усовершенствованном приборе для управления паровозом»; «Колейные дорожные панели как средство помочь нашему бездорожью»). В 70-х годах Л. построил матрицевибивальную машину «Стереограф». В 1881 г. предложил объединить в одной машине выбивание и набор матриц, а также отливку литер. В 80-х гг. работал над проблемой автоматизации стрелкового оружия. Об его универсальном прицельном станке, широко распространенном в русской армии, вспоминает А.И. Куприн в повести «Поединок». Оптический прибор «Диоскоп», предложенный Ливчаком в конце 80-х гг., был увенчан большой золотой медалью Парижской академии. За прибор для указания места пути, пробегаемого паровозом, и скорости движения удостоен Академией наук золотой медалью им. А.П. Бородина, а газеты писали, что

Головацкий и другие.

В 1865 году основали славянофилы в Петрограде «Славянофильское благотворительное общество» с теми же целями, что и московское. «Славянофильское благотворительное общество» устроило в 1885 году Кирилло-Мефодиевское празднество, в котором участвовали также галицко-русские деятели, за что их галицкие польские власти наказали арестом.

После московской выставки начало славянофильство быстро распространяться. Галичане Ливчак и Климкович начали в 1867 году издавать журнал «Славянская заря». В программной статье первого номера сказано: «Политическое соединение немецкого народа - только вопрос времени. Достаточно только посмотреть на этнографическую карту Австрии и Турции, чтобы убедиться, что единственный элемент, имеющий преmissы к созданию крепкого государства на широком пространстве Южной Европы, это только славянский элемент. Этот славянский элемент в своем теперешнем состоянии, при разности его диалектов и при множестве его центров, не связанных между собой общими интересами, нужно для разрешения этого важного вопроса подготовить и связать одним для всех славян подходящим и всем понятным и доступным языком. А таким языком может быть только русский язык, как нейтральный, располагающий богатой литературой и для всех славян одинаково понятный и доступный. Принятием русского языка славяне укрепили бы связь с русским народом, что при данных обстоятельствах непременно нужно для их национального существования. Гарантими для политической самостоятельности такого западного славянского государства было бы, с одной стороны, своеобразие характера славянских племен, разность исторической задачи западных славян и географическое положение. С другой стороны, Россия, если она хочет иметь в родственных славянских племенах природных союзников, должна согласиться на такое самостоятельное и от нее независимое государство. Если же Россия не поняла бы своей роли при этом государственном создании и старалась бы подчинить себе это государство, тогда она принятием такого большого организма себя только ослабила бы и развитие своего же народа привела бы в опасность. **Ввиду того западное славянство должно создать политический центр, сепаратную, от России независимую славянскую**

настанет время, когда имя его (Ливчака) будет столь же почетно, как имена Яблочкова и Лодыгина».

Умер 27.X.1914 г. от заражения крови впоследствии раны инструментом в его мастерской на 75-м году жизни. После него остался незаконченный проект оригинальной машины для тушения пожаров.

государственность, и тогда Россия войдет для блага обоюдных интересов в солидарную и тесную солидную дружбу. Совершить эту историческую славянскую задачу может только династия Габсбургов, судьба которой так тесно связана с славянством. В таком случае были бы на европейском континенте две великие славянские державы с общим русским языком и в вечном союзе, основанном на природных и сильных славянско-родственных связях и личном интересе поддерживать друг друга».

В Австрии министр Бейст был завзятый враг славянской идеи и преследовал энергично всех славян.

Идея славянофильства крепилась и возрастала во время войн за освобождение балканских славян от турецкого ига. Победы русского оружия на Балканах вызвали между австрийскими славянами большой энтузиазм и обратили на себя внимание австрийского правительства, которое всегда старалось своих славян держать далеко от русского влияния. Почему-то и нечего удивляться, если Австрия столь усердно поддерживает и форсирует украинофильство, внушает ему ненависть к своим русским братьям и симпатизирующим русскому народу так зовимых русофилов консеквентно преследует, о чем свидетельствует и наш настоящий процесс.

У нас в Австрии вошло в обычай в случае, когда нужно одному из славянских племен нанести чувствительный удар, выдвигать старое, уже довольно поношенное пугало «панславизма» и с большим шумом устраивать уголовные процессы, обвиняя иногда численные группы в государственной измене, пользуясь, если дело касается русских, публикацией давно уже забытого российского публициста панслависта-фантаста Погодина. Изобретательные прокуроры придумывают более или менее хитрые применения «программы Погодина» и в своих обвинительных актах, будто вся деятельность обвиняемых преследовала только одну цель - точно выполнить мистическую программу Погодина оторвать одну или больше провинций от Австрии и присоединить их к России. Так было и в процессе Ольги Грабарь 1882 года, где тогдашний львовский прокурор первый открыл Погодина, так повторяется и в нашем процессе, где все погодинские обвинения повторяются, как мы уже доказали, даже с ошибками грамматическими и орфографическими. Панславизм - это конек, на котором так смело гарцуют австрийские прокуроры в процессах против ненавистных русофилов. Изобретательные прокуроры прибегают и к другим приемам: к фальсификациям документов и к агентам-provokatorам (процесс против Кабальюка и тов.).

Чтобы не удлинять дело, я приведу только два примера.

В 1872 году против хорватов была предпринята чрезвычайно

шумная акция: публикация документов в намерении скомпрометировать дьяковарского архиепископа Штросмаера, главу хорватского славянофильского движения, находящегося в славянстве в большом почете. В публикуемых документах обвиняют Штросмаера, что он стоит в близких сношениях с центральной российских панславистов и что он получает из России рубли за оторвание Хорватии от Австрии и присоединение ее к России. Русскими деньгами он приобретает симпатии своих епархиотов, чтобы только оторвать их от Австрии и т.п.

Обнародованные документы вызвали большую сенсацию, тем более что обвиняли высокопоставленное лицо, пользующееся в народе большими симпатиями и уважением.

Прокуратура начала следствие, которое доказало, что Штросмаера хотят скомпрометировать за то, что он был предводителем хорватов-славянофилов и энергично боролся против мадьяризации хорватов. Уже во время уголовного следствия доказана фальсификация документов, которые никогда на существовали в подлиннике.

Десять лет позже, в 1882 году, состоялся во Львове другой панславистический процесс против другого славянского племени, русских, - Ольги Грабарь и тов. Обвинительным актом, которым так широко воспользовался наш обвинитель, на скамью подсудимых посадили Ольгу Грабарь, ее отца, известного карпаторусского деятеля, австрийского гофрата Адольфа Ивановича Добрянского, известного народного писателя Ивана Наумовича, редакторов русских газет и двух крестьян за государственную измену, за распространение шизмы - православия и за русофильство, точно так же, как и нас. Но присяжные судьи из народа оправдали их и не осудили за измену государству, а под суггестиею суда приговорили их только за нарушение публичного порядка (§ 65 австр. уголовного закона).

Но этим процессом не кончились австрийские панславистические процессы. Для характеристики этих типических панславистических процессов приведу еще два в кратком представлении.

В 1908 году состоялся в Загребе интересный процесс против 53 сербов и в том же году перед венским судом присяжных против австрийского историка проф. Фридьюнга и редактора ежедневника «Volksblatt» («Народный листок») доктора Фундера.

Основанием в загребском процессе была великосербская пропаганда, которой целью было оторвание Хорватии от Австрии и присоединение ее к Сербии. Дело началось с того, что некий Бастич, который после оказался агентом-provokatorом, обнародовал брошюру под заглавием «Финале» («Finale»), в которой были опубликованы несколько документов общества «Славянский Юг».

Интересно обосновано обвинение в этом процессе, припоминая живо наш обвинительный акт. В обвинительном акте сказано, что в Хорватии нет сербов, а живут там исключительно хорваты, которые выдают себя за сербов, в чем следует видеть государственную измену, точь-в-точь как пишется в нашем обвинительном акте, что в Галичине, Буковине и в Закарпатье нет русских, а есть только рутены-украинцы, и в этом видит обвинительный акт государственную измену. Далее, православное вероисповедание сербов называется шизмой, в которой опять показывается государственная измена. Затем требуется, чтобы и сербы, так же, как хорваты, употребляли не кириллицу, а латинскую азбуку и назывались не сербами, а хорватами, а если они с этим из-за антагонизма не желают мириться, так пусть зовут себя влахами, - название, которое употребляли сербы в 18 веке и еще в начале 19-го века, так как название «серб» содержит уже в себе государственную измену. Кроме того, на стенах домов шизматических сербов висят портреты сербского короля Петра.

Какой интересный параллелизм!

Загребский процесс продолжался 7 месяцев и кончился тем, что подсудимых частью оправдали, частью приговорили на 5-10 лет тюрьмы. Жалоба против приговора имела успех; решено возобновить процесс. Защите удалось доказать бесспорно, что документы были фальсификатами, и австрийские власти были принуждены снять это дело с суда посредством императорской аболиции.

Еще интереснее второй панславистический процесс д-ра Фридьюнга и д-ра Фундера. Оба названные обнародовали - первый в венской «*Neue Freue Presse*» («Новая свободная печать»), а второй в «*Deutsches Volksblatt*» («Немецкий народный листок») - документы о панславистических преступлениях 52 депутатов сербохорватской коалиции, которые готовили оторвание сербохорватских земель от Австро-Венгрии и присоединение их к Сербии. Депутаты сербохорватской коалиции обжаловали обоих названных обнародователей к клевете. Когда дело пришло перед суд и обнародованными документами занялись ученые знатоки проф. Решетар и Краус и проф. пражского университета Масарик, было доказано, что все документы были просто фальсификаты. При случайности проверки документов показалось, что эти фальшивки подделывались в доме Свентоховского, одного из чиновников при австрийской амбаскаде в Белграде, неким Васичем, и что их затем австрийский посланник Форгач отвез и передал министру иностранных дел Эренталю, который их после передал упомянутым обвиняемым для публикации. Все эти разоблачения объявил проф. Масарик в австро-германских делегациях в 1909 году, остро порицая способы австрийской политики ввиду славян.

Не мое дело подвергать это дело критике на этом месте и разбираться, для каких высокополитических целей делались все эти фальсификации и ставились перед уголовный суд невинные люди. Это все будет задачей будущих историков, и я очень сомневаюсь, принесут ли все эти махинации честь их инициаторам. Сомневаюсь. Но не подлежит никакому сомнению, что в данном случае намерением было скомпрометировать людей, стоящих во главе славянофильского движения, а в таком случае все средства, ведущие к цели, хороши.

Из всех до теперь приведенных, на строго научной литературе обоснованных фактов видно, что у нас в Австрии высывают пугало ненавистного панславизма, не брезгуя даже фальсификацией, чтобы только пустить в ход какую-либо уничтожающую акцию против славянских граждан и чтобы скомпрометировать или даже уничтожить одного или больше из славянских деятелей, пользующихся авторитетом и влиянием между славянами и стоящих на защите своего славянского народа. Будущие историки займутся этим делом и поставят в действительном освещении эти печальные явления нашей современной истории, и я убежден, что беспристрастный суд и объективная историческая правда не будут на стороне славяноненавистнических правящих сфер, а на стороне угнетенных честных народных деятелей, жертвовавших даже жизнью во благо своего беззащитного славянского брата.

Наконец я хотел бы привести еще маленькую цитату, которая хотя и не относится к нашему делу, но характеризует очень существенно сербохорватские отношения, особенно же гонения против славянофильства, и могла бы произвести на некоторые обстоятельства благотворное влияние. В югославском вопросе, в объем которого входят сербохорватский и словинский вопросы, обнаружил австрофильский английский писатель Р.У. Сетон-Уотсон (R. W. Seton Watson) чрезвычайно интересное сочинение «Die südslavische Frage im Habsburgerreich», Berlin, 1913 («Югославский вопрос в габсбургском государстве»). В упомянутом сочинении автор говорит между прочим: «Движение между хорватами в пользу их соединения с сербами было совершенно природно, что каждый знаток исторических развитий мог бы предвидеть. Это движение было от Сербии совершенно независимо. Умный государственный муж бы этим движением воспользовался для расширения влияния Австрии на Балканах, вместо того, чтобы отталкивать от себя этот народ».

Тем я и кончил мои изложения о панславизме или славянофилизме, как это движение между славянами называется. Я представил это движение от начала его возникновения во всех его явлениях, как и что оно есть, я представил его на основании бесспорных исто-

рико-научных источников. Представленный мною панславизм - это действительный реальный панславизм, а не придуманный - избранный трусливыми либеральными газетчиками, которым они в случае надобности от поры до времени пугают австрийских государственных мужей, которые устраивают панславистические процессы, до сих пор всегда кончавшиеся фиаско для их зачинщиков. Мы видели, что в панславизме были идеи об основании великой австрийско-славянской державы. Мы встречали панславизм, задачей которого был не отрыв от Австрии провинции, а присоединение к Австрии огромных просторов славянских земель, что мечтали осуществить словаки Коллар и русский галичанин Ливчак.

Кроме пропаганды панславизма, нас обвиняют и в русофилизме, утверждая, что мы, обвиняемые члены Русско-народной партии, не только что сами считаемся русскими, но стараемся внушить нашему русскому народу, проживающему в Австрии, что он также русский, такой же русский, как и его братья, проживающие за кордоном Австрии в соседней России, чем мы стараемся его и политически соединить с Россией, оторвав его земли от Австрии. А при всем том наш обвинительный акт утверждает, что в этом процессе не будет решаться вопрос: один ли народ австрийские рутены с российскими русскими, один ли их русский язык - все это для нашего процесса безразлично.

С этим принципом я рад согласиться бы, если бы г-н прокурор не обвинял нас, что мы хотим искусственно привить нашему австро-русскому народу русский национализм, что мы работаем в том направлении, чтобы наш австро-русский народ обрусить (русифицировать), а в этом именно нашем деянии г-н прокурор и видит преступление государственной измены.

Господи, какой вздор! Это похоже на то, если б кто-либо обвинял в германизации австрийских немцев, заявляющих, что австрийские немцы - те же немцы, что и за кордоном Австрии в Германии! Стоя на этой точке зрения, г-н прокурор уже и решает, что австро-русский народ не тот же, что российско-русский, а сепаратный, значит, несмотря на свое утверждение, г-н прокурор а priori предрешает вопрос, что австро-русский народ - совершенно другой народ, чем российско-русский, и ввиду этого я должен заняться здесь и этим вопросом и доказать, опять на основании неопровержимой науки, заблуждение г-на прокурора в его сепаратизме, которого он придерживается в своем ошибочном мнении, обоснованном обвинительным актом. Только при таких ошибочных понятиях мог увидеть божий свет и родиться урод в форме нашего обвинительного акта.

Ввиду ошибочной точки зрения относительно австро-русского народа я принужден на основании исторической и филологической науки доказать ошибочность позиции г-на прокурора и его обвинений. Из моих позитивной наукой обоснованных изложений высокий военный суд увидит, что история и филология знают только один русский народ, вышедший из того же одного корня, проживший то же развитие, ту же судьбу вместе со своими теперь судьбою разделенными русскими братьями.

Мировая история знает только один русский народ, разделяющийся на три ветви, близко сродненные между собой, с тремя русскими диалектами - великорусским, белорусским и малорусским, или, как у нас в Австрии говорят, «рутенским», а иногда - редко - «украинским».

Я прежде всего постараюсь на основании всемирной истории доказать, что существовал и существует только один русский народ, а для эвентуального контроля приведу соответствующие исторические сочинения, некоторые уже в самом начале, другие - во время изложения.

Эти мои утверждения подтверждают сочинения известных мировых историков Леопольда Ранке, Вебер-Балдануса и написавшего по поручению австрийского правительства после оккупации Галичины и Буковины «Историю Галича и Владимирии» историка Иоанна Христиана Энгеля. И «Большая энциклопедия» Брокгауза стоит на той же точке зрения.

Все приведенные историки доказывают, что русские - это племя великой семьи славянских народов, проживавших между Дунаем и Уралом, между Черным и Балтийским морями, приблизительно на теперешней территории России. Славяне, из которых произошел русский народ, проживали на территории теперешней России под разными названиями, как: древляне, поляне, радимичи, уличи, тиверцы и др. Они проживали и на склонах Карпат, и на реках Тиссе, Днестре, Днепре, Пруте и Волге.

Начало основания славянских государств совершилось довольно поздно. Только в шестом столетии и с началом седьмого датируют эти начала. Первое славянское государство основали болгары, затем чехи, а потом и русские. Сами русские делились сначала на много племен и проживали на Среднем Днестре, Днепре, Пруте - вплоть до Среднего Дуная, который и сегодня еще упоминается в русских песнях.

История основания русского государства до сегодня еще не ясна. Новейшая историография (русская) бросила теорию об основании русского государства Рюриком, которая утверждала, что основателями русской державы были викинги, которые были культурно бо-

лее развиты, чем русские. Впрочем, и новейшие немецкие историки пришли к результату, что русский народ сам основал свое государство.

Первой русской исторической личностью является князь Олег (879-912), который объединил несколько славяно-русских племен, занял город Киев, где владели викингские узурпаторы, и таким образом положил начало русскому государству. Он предпринял с значительными военными силами поход на Византию, победил греков и наложил на них немалую дань, которую они обязались правильно уплачивать. Олег считается основателем русского государства. После кончины Олега засел на престоле его племянник Игорь (912-945), объединив ещё и другие славяно-русские племена в своем государстве. Когда же византийцы отказались платить дань, он пошел на них походом, победил их и наложил на них повышенную дань. После убитого славяно-русским племенем древлян Игоря наследовал княжество его сын Святослав, за которого княжила его мать Ольга Мудрая (945-960), которая прежде всего отомстила за смерть своего мужа Игоря древлянам, подчинив их Киевскому княжеству. Затем посетила Ольга в 957 году Константинополь, где и приняла христианство. В 964 году Святослав стал самостоятельным правителем Киевского княжества и запутался в войну с соседними хазарами и печенегами.

Действительным основателем Киевского русского государства был князь Владимир Великий и Святый, который объединил все славяно-русские племена в своем государстве, в состав которого входили после занятия «Червенских городов» Восточная Галичина, Буковина, Молдавия вплоть до Черного моря, и принял со всем своим народом христианство. О Владимире Великом говорит известный историк д-р Рееб (Reeb «Russische Geschichte», Berlin, 1913): «Владимир принятием христианства дал инициативу к сплавлению восточных славян в одну национальность, а связавшись с Византией, он создал для своего народа национальную церковь и отнял возможность борьбы между мирской народной и духовной чужой властью. Владимир сплавил все славяно-русские племена **в один** народ, и для этого одного народа он создал одну национальную церковь, подчинив ее Византии. Этим именно Владимир создал ситуацию и осуществил положение, устраняющее те непрестанные борьбы мирской власти с церковною, которые так сильно потрясали Западом».

Проф. д-р Рееб ясно сказал, что Владимир **в одном** русском государстве объединил **все славяно-русские** племена **в один русский народ**, а тогда принадлежали к русскому государству Владимира все русские народы - и Галичины, и Буковины, и карпаторусы! А наш

обвинительный акт утверждает, что мы стараемся русифицировать наши народы в Галичине, Буковине и Закарпатье, которые еще перед почти 1000 годами русифицировал Владимир Великий. Не слишком ли большой это анахронизм?!

Долгое время проживали наши предки под режимом киевских русских князей, чувствовали себя и признавали всегда русскими, и весь тогдашний мир так их называл.

Со временем Галичина и Буковина попали в состав Галицко-Владимирского княжества и проживали целые столетия в тех же историческо-культурных условиях, всегда сознавая национальное единство не только между собой, галичанами и буковинцами, но даже и с закордонными братьями – казаками Хмельницкого и ратниками Суворова. Когда же во время угорского мятежа пришли русские войска, чтобы спасти Габсбургскую империю, от которой мадьяры силились оторваться, в этих русских воинах жители наших краев - Галичины и Буковины - приветствовали родных братьев. Тогда, конечно, австрийские власти не изменяли это сознание наших предков им во зло, а теперь нас предают на смерть только за одно теоретическое сознание единства! *Qua mutatie rerum!*

От основания Киевского русского княжества были все русские земли в составе этого государства. После Владимира Мономаха наступил распад этого государства и его разделение на Галицкое и Суздальское. В первом были сконцентрированы все западнорусские земли: Галичина, Буковина, Молдавия, Бессарабия и Южный Семиград, что доказывает старинный документ – «Слово о полку Игореве».

История называет всех русских князей от Владимира Великого по-латыни *dux* или *rex totius Russiae* (вождь или король всея Руси). Литовский князь Гедимин называется *Capitaneus ac provisor terrae Russiae* (глава и управитель русской земли). Московский царь Иван Грозный называется *Rex Ruthenorum*, а киевский митрополит носит титул «митрополит всея Руси».

Византийцы называли русских в мировых грамотах *Ρως*, иногда – *Ρωϋόη* или *Ρωϋήη*. Из этого последнего термина выработалось впоследствии, особенно в папской латыни, латинское *ruthenus* – слово, синонимное с *russus*, из которого произошло и австро-немецкое *Ruthene*, употребляемое особенно в Австрии для наименования австро-русского народа, чтобы таким образом зафиксировать разность с закордонными русскими.

В 1258 году Римский Папа Пий IV предложил галицкому князю Даниле королевскую корону, лишь бы он принял унию с Римом, но Данило не пошел на этот торг, князь же Юрий I (1301-1315) корону принял, но на унию не перешел. В грамоте о короновании написано:

«Georgius rex totius Russiae Minoris» (Георгий, король всей Малороссии). И Юрий II (1324-1337) называется в современных грамотах «Dux totius Russiae ac capitaneus seu provisor terrae Russiae».

Но самым сильным доказательством нашей русскости, в которой г-н прокурор видит государственную измену, послужат государственные акты и грамоты самого австрийского правительства со времени присоединения Галичины и Буковины к Австрии. Австрийские государственные власти во всех своих грамотах, актах и корреспонденциях не употребляли для названия галицко-русского и буковинско-русского народонаселения другой номенклатуры, как только термин *Russe, russisch* (русский, по-русски). Я не в состоянии привести все соответствующие грамоты, так как это продолжалось бы несколько дней, но я ограничусь ссылкой на самые важные и известные. Так, читаем в договоре о разделе Польши: «Tractatus inter Suam Majestatem Regem Respublicamque Poloniae. Leopoli, 1772». В титулах императрицы Марии Терезии: «Maria Theresia, regina Russiae rubrae seu minoris» (Мария Терезия, королева Червонной или Малой Руси).

По поводу открытия Львовской духовной семинарии в 1788 году и открытия богословского факультета сказано в относительных грамотах, что основывается духовная **русская** семинария (*geistliches russisches Seminarium*) и кафедра **русского** языка (*russische Sprache*).

На той же точке зрения стоит и императорский декрет от 11/9/1805 года, которым император обновил бывшую митрополию для русских галичан (*für die Russen Galiziens*).

Такие же официальные документы австрийского правительства доказывают, что и население новоприобретенной провинции Буковины также русское.

Так, читаем в грамоте Венской придворной канцелярии (*Wiener Hofkanzlei*) 1774 года, в которой канцелярия извещает Буковинскую епархию, что центральное правительство посылает 345 катехизисов церковнославянских для обучения в религии **русской** (*russisch*) **молодежи в Буковине**, а в 1784 году буковинский православный епископ Досифей обращается в придворный совет с прошением выписать для Буковинской епархии славянские богослужебные книги, так как подавляющее большинство Буковинской епархии говорит русским языком (*russische Sprache*).

Таких документов в архивах австрийского правительства очень много, но я думаю, что достаточно уже приведенных для того, чтобы доказать, что так русские галичане, как и буковинцы, вошли в состав богоспасаемого австрийского государства русскими (*Russen*), а не рутенами или украинцами, и ввиду того никто нас не смеет перекре-

шивать другими именами и причислять к другим народам.

Под русским именем мы вошли в состав австрийского государства, и под этим именем мы желаем и дальше жить - даже тогда, когда это г-ну прокурору или кому другому не нравится.

Родственные отношения между галицкими и буковинскими русскими и бело- и великороссами, проживающими в России, такие же, как между немецкими племенами, различающимися между собой местными говорами и диалектами. Возьмем, например, тирольцев, стирийцев, баварцев, пруссов, саксонцев. Разница между говорами немецких племен гораздо больше разницы между диалектами трех русских племен, но, несмотря на эти различия их диалектов, все они чувствуют себя немцами, и сегодня представлялось бы смешным, если бы кто-либо хотел тому или другому племени сказать, что оно не немецкое, а, например, стирийское. Несмотря на разность их диалектов, все немецкие племена чувствуют себя немцами, их связывает немецкий литературный язык с его богатой литературой. И у других народов существуют группы с разными диалектами; так, например, у французов бретонцы, провансальцы, которые, несмотря на их диалектические различия, все-таки считают себя подлинными французами.

И соседи, живущие бок о бок с нами, знают только один русский народ, все равно, где он живет - в Польше, Литве, Буковине, в Галичине или в России. Так пишет польский хронист Длугош (†1480) в своей хронике: «*lisa gora, mona alta civitatis leopoliensis immanens in terra Russiae*» (Лысая гора, высокая гора города Львова в русской земле).

Историки Нарушевич и Кроммер называют короля Казимира Великого *Russiae dominau et haeres, magnus dux Russiae* (господин и наследник Руси, великий князь Руси). Польская энциклопедия Линде, Львов 1868, пишет: «*Rossyja – Москва, Rusin – Rossijanin, Rusinka – rossyjanka*». Историк Белёвский в «*Monumenta Poloniae historica*», Krakow, 1839, приводит под датой 1268: «*Daniel rex Russiae moritur*», под 1340: «*Cazimir Dei Gratia rex Poloniae, magnus dux Lithuaniae, Russiae... etiam alta bona in partibus Russiae et in districtu Belsiensi acentia habens*» (Казимир, король Польши, великий князь... Руси, имеющий на территории Руси и в округе Белзком также другие имущества). Существуют также документы, выданные польской державой, требующие, чтобы русские выбросили из своей титулатуры «Самодержец **в**сея Руси», так как часть Руси находится в польском владении. И это была как раз Малороссия, неверные сыны которой - украинофилы - отказываются теперь от своего русского имени. Польша в своем государстве никогда не отрицала единства Руси, а

всегда считала своих русских подданных такими же русскими, как те, которые жили в «Московской Руси», и потому старалась с такой энергией ввести между своими русскими подданными католицизм, чтобы своих русских, по крайней мере, верой отличить от православных «московских», что ей окончательно удалось введением унии в 1596 году. Когда король Ян Казимир (1648-1668) вследствие недоразумений с польскими магнатами был принужден отказаться от польского престола, он заявил: «Если поляки не изберут скоро моего наследника, тогда Польша, несомненно, падет жертвой соседей; Русь и Литва достанутся Москве, с которой они тесно связаны узами языка и веры».

И соседи-румыны в Буковине называют русское население только *rusi* - русскими, а мадьяры - *gorosz* (русский), другого названия ни у тех, ни у этих нет.

Из моих изложений военный трибунал видит, что история знает только один русский народ, и что к этому одному русскому народу принадлежит наш буковинско- и галицко-русский народ, и что этот народ испокон века чувствовал себя русским, и что наука и австрийское государство его признавали и считали **русским**, таким же русским, как народ, живущий за пределами нашего австрийского государства. Он и остался русским и до сегодня, несмотря на все усердные усилия перекрестить его в рутенов или украинцев; а о том, чем хочет быть народ, решают не политические соображения чужих правительств, а сам народ, его ученые и Академии наук, а уже совершенно не политические терроры и процессы, повторяемые от поры до времени.

У меня имеется еще одно важное доказательство единства русского народа, доказывающее, вне всякого сомнения, самым практическим способом вышеупомянутую тезу, - это филология-славистика, которая неумолимо выскажет свое неопровержимое мнение.

Чтобы показать, как думает и что учит в этом отношении эта для нас решающая дело наука, я приведу здесь мнения славистов мировой славы, которые и покажут то гранитное основание, на котором базируются наши убеждения, и я уверен, что это наше мнение, безусловно, подтвердит и знаток славист, которого военный суд, безусловно, призовет.

Самый знаменитый славист, авторитет, профессор славистики Венского университета, почетный член всех славянских академий, надворный советник профессор Игнатий (Ватрослав) Викентьевич Ягич в сочинении «Die europäischen Literaturen und die slawischen Sprachen» и след. говорит: «В настоящее время галицко-русский язык переживает период бури и стремления

(Sturm- und Drangoerioden). Спешное и форсированное искусственное развитие этого языка вводит много неологизмов, чтобы показать различие от русского литературного языка и независимость от него. Таким образом, язык теряет свою естественность и популярность, а все это только на то, чтобы как можно шире доказать совершенную независимость; употребляются немецкие, польские и всякого рода чужие слова, пренебрегая старинной общерусской номенклатурой, чтобы только не звучало по-русски, а было совершенно от русского различно». Конечно, заключает Ягич, такие чрезмерные ревнительства нельзя одобрять в интересе природного развития малорусского языка.

Тот же ученый пишет в «Archiv für slawische Philologie XX», стр. 33-34: «Все русские диалекты имеют, несомненно, много общих важных черт. Украинцы стараются придать галицко-русскому языку характер различности от русского литературного языка тем, что они очень старательно выбрасывают все русские элементы и заменяют их неологизмами, взятыми из других языков, и таким образом они совершенно меняют характер галицко-русского имени. Все русские диалекты составляют одну целостность и имеют, несомненно, общие черты. Удивительно, как эти диалекты соответствуют их географическому положению, переходят один в другой, и то они целыми столетиями остались те же, не уничтожив один другого. Если бы малороссы оспаривали право русского литературного языка быть таким же и для Южной России, тогда они доказали бы, что не имеют правильного понятия о требованиях современной культурной жизни».

Ученый славист Иосиф Дубровский в сочинении «Institutiones linguae slavicae», Vindobona, 1932, пишет в корреспонденции со своим учеником Копитаром, что существует только один русский народ и один русский язык. Об украинском народе и украинском языке этот знаменитый отец славистики не упоминает.

Славист А.Х. Востоков в своих «Филологических наблюдениях», изданных по поручению Академии наук И. Срезневским, СПб., 1865, пишет: «Под словом "русский" я понимаю всех природных жителей Великой, Белой и Малой России».

На той же точке зрения стоят составители грамматики Буслаев, Потебня, П. Житецкий, а корифей на этом поприще А.И. Соболевский в «Лекции по истории русского языка», Москва, 1907, пишет: «Если существует полное право в нынешнем русском языке видеть один русский язык, то единство русского языка в XI веке, когда разница между русскими диалектами была еще незначительна, не подлежит никакому сомнению».

В.И. Ламанский: «Русский литературный язык по своему проис-

хождению и образованию есть общее достояние Великой, Малой и Белой Руси. Мнение, будто бы этот язык был великорусский, совершенно ошибочно».

Профессор-славист Одесского университета А.И. Томсон в своем сочинении «Общее языковедение» говорит: «Все усилия украинцев создать особый украинский народ и особую украинскую литературу осуждены на полное фиаско».

Профессор Владимирский-Буданов в своем «Обзоре русского права» пишет: «Сознание единства русской нации создано уже в X, XI веке, а проявляется уже в XI и XII столетии в монументах законодательства и литературы. Первоначальная терминология употребляет термин "русская земля", понимая под этим термином то южнорусские края, то название всей русской нации. Национальное единство, общая принадлежность населения и сознание этого единства создано далеко раньше укрепления единства государственной власти. С национальной точки зрения является в глазах народа весь русский край как целость даже во время воюющих князей».

Проф. д-р Нидерле, археолог и этнограф в Праге, в своем сочинении «Slovanstvo» (по-французски «La race slave», L. Leger): «Названные три группы (велико-, бело- и малороссы) были и остались ветвями одного народа. Они остались близкими из-за языка. Были чрезвычайно тесно связаны историческими судьбами, принадлежали долго и постоянно одному вероисповеданию и имели долго общую литературу, так что мы должны видеть в этих 3 группах один народ. У мало- и великороссов достаточно много общих черт по истории, по традиции, по вере, языку и культуре, не говоря уже об общем происхождении, чтобы с точки зрения чужого и непредубежденного наблюдателя сказать, что это две части одного великого русского народа».

То же воззрение высказывает он в «Энциклопедии славянской филологии», тетрадь 2, стр. 11 (Enzyklopädie für slawische Philologie), где порицает украинское сепаратистическое движение как неприродное, искусственное и ошибочное.

То же воззрение высказывают и другие знаменитые слависты: Бодуэн де Куртенэ (Baudouin de Courtenay), проф. Львовского университета д-р Емельян Калужняцкий, профессор славистики Черновицкого университета и проф. Здзеховский, славист Краковского университета, написавший на эту тему книгу «Troj jedyny narod», где на основании точной науки изложил аксиому об единстве трех ветвей русского народа.

Эту самую тему обрабатывает и профессор славистики Венского университета Вондрак в своем сочинении «Vergleichenodie

Grammatik für slawische Sprachen» («Сравнительная грамматики славянских языков»), вып. 1, стр. 93 и след. На этой же точке зрения стоит и профессор славистики в Праге д-р Пастернак, и профессор славистики L. Leger, который перевел сочинение проф. Нидерле на французский язык.

Надеюсь, что уже хватит этих доказательств об единстве русского народа, о том, что мы в полном праве называть себя русскими, как звали себя наши предки испокон века. Не мы, смиренные рабы божьи – подсудимые, выдумали эту историческую правду, за которую нас закованных привезли в гарнизонный арест и поставили перед военный трибунал.

Я убежден, что под тяжестью этих научных доказательств даже г-н прокурор убедился, что мы, признаваясь к русской нации, тем никак не совершили то преступление, в котором он нас так безосновательно обвиняет.

Наш обвинительный акт совсем не считается с наукой - по всей вероятности, потому, что он ее не знал, но это уже старая история, что австрийские власти не обращали и не обращают внимания на науку, потому что не желали этого делать.

Австрийские власти, узнав из указанного сочинения Иоанна Христофа Энгеля, что русское население новоприобретенной провинции Галичины, а также Буковины такое же русское, как то, которое проживает в России, все-таки не хотело считаться с этим историческим фактом. Губернатор Галичины барон Перген обратился в венскую военную придворную канцелярию с докладом, указывая, что австрийскому государству угрожала бы большая опасность, если бы австро-русский народ (тогда Буковина была административно подчинена Галицкой губернии) духовно поднялся, так как язык русского населения Галичины и Буковины - только разновидность русского языка. С тех пор язык австро-русского народа называли то русским, то рутенским, пока окончательно в 80-х годах минувшего столетия его не начали последовательно называть рутенским, а с началом теперешнего столетия - украинским. Следует отметить, что что сами рутены-украинцы избегали номенклатуры «украинский», «украинец», так как этот термин ни в Галичине, ни в Буковине между русским народом не был популярен. Точка зрения доклада Пергена была причиной, что австрийские власти не спешили основывать для нашего народа школы, чтобы он не имел возможности просветиться и понять, что он русский, а то ему захочется политически соединиться со своим заграничным русским братом. Под суггестией идеологии Пергена наш прокурор обвиняет нас в государственной измене.

Долго велась борьба за школу для нашего народа, и только когда

вмешались в эту борьбу галицкие униатские епископы, удалось получить для рутенов столь желаемые школы.

В начале 1848 года галицкий губернатор граф Стадион заставил руководителей Галицкой Руси заявить, что они не считают себя такими же русскими, как их закордонные братья в России. Под угрозами и террором они слабодушно сдались губернатору и сделали желанное заявление, но все-таки они, конечно, остались русскими, так как голословное заявление их не переродило, но между тем австрийское правительство успело создать среди русского народа партию сепаратистов, отказавшуюся от родства с российскими русскими. На удобрении правительственной милости быстро вырастили правительственные посеы сепаратизма, и уже в 1890 году удалось галицкому наместнику Бадени заключить договор, известный под названием «Новая эра», где предводители сепаратистов проф. Романчук и Огеновский и другие в галицком сейме торжественно заявили, что галицкий народ – самостоятельный, совершенно чужой, не родственник с русским народом в России, что галицкий народ верен австрийскому императору, и римскому папе, и католической вере. Чтобы задокументировать разность галицко-русского народа от российского, введено вместо этимологического фонетическое правописание. Начав от «Новой эры», полилась правительственная благодать на правительственных украинофилов, которые сами не знали, как себя звать; сначала звали себя руськими, мягкими русинами, после – русько-украинцами, потом – украинско-руськими и, наконец, совершенно выбросили слово «руський» и оставили только «украинский».

Из Галичины принесли «Новую эру» с ее сепаратистическими принципами в Буковину. Составлена здесь комиссия для издания учебников для народных и средних школ, а в изданных книгах для школ велась пропаганда против России, возвышая украинофильство, тенденциозно и ненаучно представлялись история и быт русского народа, и вызывалась ненависть ко всему русскому. На то ведь и создана партия сепаратистов, они исполняли только свою задачу, за которую получали от австрийских властей щедрую плату.

Буковинско- и галицко-русский народ отнесся к «Новой эре» совершенно равнодушно, тем более что она стояла на униатской идеологии, а Буковинская Русь была целиком православная, да и в галицком народе были значительные симпатии к православию, несмотря на долголетнюю унию. И как раз потому что галицкие сепаратисты проповедовали, кроме национального сепаратизма, и унию, буковинский народ вообще отнесся к «Новой эре» отрицательно, но со временем австрийские власти перевели из Галичины

много народных учителей, профессоров и чиновников в Буковину, и потому и в Буковине число новоэристов возросло. Австрийские власти и немецкая журналистика начали различать младо- и старорутенов, по примеру младо- и старочехов. Украинскую правительственную партию называли младорутенами (Jung Ruthenen), а нас, оставшихся верными нашей русской идеологии, называли старорутенами (Altruthenen).

Итак, мы опять попали в рутены, как за времена графа Стадиона, хотя наши предки в газете «Слово» еще в 1866 году 27/7 заявили, что мы - не рутены 1848 года, а русские.

Теперь наступило время рассчитаться с г-ном прокурором, что я еще в начале обещал.

После доклада львовского губернатора барона Пергена венскому центральному правительству, что Австрия должна держать русский народ в темноте, не давая ему возможности просвещения, так как он такой же русский, как и закордонный русский народ, и что его язык - только разновидность русского языка, австрийское правительство взялось серьезно за денационализацию нашего народа, чтобы таким образом лишить его русского имени.

Наши старики, как мы уже сказали, вместе со своими униатскими епископами, чтобы получить школы, из-за оппортунизма и малодушия приняли рутенство, но со временем русским деятелям надоело крыться под этим псевдонимом; подросло новое, молодое поколение, которое считало для себя обидным и нечестным не называть себя своим подлинным русским именем, тем более что численная украинофильская печать, издаваемая на государственные австрийские средства (такими были «Сіон», «Мета», «Вечерниці», «Sіolo», издаваемое латинкою поляком-эмигрантом из России Павлином Свенцицким – он же и Павел Стахурский, и Павло Свій), постоянно проповедовала украинский сепаратизм. Молодое русское поколение заявило в русской, выходящей тогда во Львове газете «Слово», 26/7/1866 года, что мы не рутены 1848 года, а русские, сыны великого русского народа, того же, что живет в России! На эффект этой цитаты полагает г-н прокурор все свои надежды увидеть на наших бедных шеях австрийский галстук. На этой же цитате и прокурор Львовского процесса против Ольги Грабарь и тов. 1882 года полагал все свои надежды, но, как знаем, провалился. И нашему г-ну прокурору эта цитата чрезвычайно понравилась и то так сильно, что он списал ее из упомянутого обвинительного акта даже со всеми печатными и орфографическими ошибками!

(Председатель прерывает...)

Я же обещал уже, что докажу все мои утверждения документально.

Да, оно невероятно, но, к сожалению, факт!

Так вот, написано в нашем обвинительном акте, стр. 22, что «нелояльность и подрывную деятельность против Австрии порицал еще в 1880 году патер Стефанович в своем издании «Sym» («Сым»).

Читаю – и ума не приложу, что это значит. Мне известны все публикации на русском языке, а об издании «Сым» никогда не слышал! Знаю, что о. Стефанович издавал в свое время церковно-популярный журнал под названием «Сіон», но никак не «Сым». Когда же мне попался под руку обвинительный акт процесса против Ольги Грабарь 1882 г., я и там нашел ту же бессмыслицу; очевидно, автор подлинного обвинительного акта 1882 г. или его переписчик плохо понял или плохо прочел на рукописи слово «Сіон» и написал «Сым». Так и напечатано в упомянутом акте. Наш прокурор в поисках обвинений против нас попал на обвинительный акт, и, конечно, как пропустить такое эффектное место и не взять его в обвинительный акт против таких же русофилов, пользующихся против Австрии ее плохим военным положением, как своевременно старые рутены в 1865 году. И давай списывать целый пассаж с кожей и волосами (mit Haut und Haaren). И вышла беда! Усердие ослепляет человека. Что вышло? Да, вышло наяву присвоение чужого литературного имущества! А чтобы еще дополнить это присвоение, я приложу еще одно доказательство, что выписка сделана даже с орфографическими ошибками и в оригинале, и в списке. И в одном, и в другом написано: газета «Gatczaka» вместо «Гатцука» («Gatzuka»). Высокий военный трибунал изволит убедиться, что мои утверждения верны, сравнивая наш обвинительный акт с обвинительным актом на процессе Ольги Грабарь 1882 года, который находится между судебными актами.

Все это дело представляется действительно, по крайней мере, странным, если обвинительный акт в уголовном процессе, где дело идет о жизни или смерти обвиняемых, переписывается так небрежно из старого обвинительного акта, давно уже павшего жертвою забвения. О нашем обвинительном акте можно сказать, что он, несмотря на новое время, пахнет сильным архаизмом и старой плесенью, если добавить еще цитату из погодинской архивной брошюры, которая в нашем обвинительном акте тоже цитируется по упомянутому акту 1882 года.

Но дело же кончается слепым переписыванием. Эта цитата оказывается очень неудачной и с другой точки зрения, и г-н прокурор будет сильно жалеть, что он на нее ссылается. Дело вот в чем: да, в «Слове» действительно напечатаны цитируемые слова, но я докажу неопровержимыми историческими фактами, что все заключения и

обстоятельства, приведенные г-ном прокурором, неверны. История – очень требовательная дама! Если мы прибегаем к ее помощи или на нее ссылаемся, тогда мы должны обдумать обстоятельно все обстоятельства, испытать и причинную связь и проникнуть во все ее премиссы, а то нам докажут неверность наших исторических утверждений и поставят нас в незавидное положение дилетантов. Приглянемся близко к исторической цитате «Слова» 1866 года, которой назначением было, по мнению г-на прокурора, нас окончательно уничтожить.

Прежде всего возьмем самое заявление, что мы **русские**, а не рутены 1848 года. Преступление ли это? Совсем нет! Рация нашей русскости доказана мной на основании исторических и филологических неопровержимых аргументов науки. Та же наука дала право и нашим предкам в 1866 году к их заявлениям, несмотря на то, нравилось ли это заявление тогдашним прокурорам или нет. Значит, заявление самой собой не преступление, но, чтобы придать ему характер преступления, обвинительный акт освещает его совершенно неверными исторически добавлениями, что наши предки воспользовались плохим и опасным тогдашним военным положением, своего рода вымогательством! Рассмотрим действительную историческую ситуацию Австрии в тогдашний момент, действительно ли было так.

Статья «Слова» появилась 27/7/1866 года. В Вене, во Львове, в Черновцах и вообще во всех городах Австрии развеались еще флаги радости по случаю победы эрцгерцога Альбрехта над Италией под Кустоцой. Все население ликовало: 24/7 Австрия разбила наголову своего врага Италию и показала свою непобедимую силу, справилась так блестяще со своим коварным врагом. Не немощь и слабость представляла Австрия в день, когда появилась в «Слове» инкриминируемая статья, а силу и мощь побеждающего государства! Вот историческая **правда!**

Почему появилось это заявление как раз тогда, в 1866 году? Тут мог бы г-н прокурор найти причину, если бы он расследовал дело по принципам, как исследуются исторические события. Он нашел бы, что как раз в то время упомянутые украинофильские газеты систематически провоцировали русских, и что русские не могли уже оставить своих сепаратистических братьев без ответа.

Интересен еще один факт, а именно, что г-н прокурор пропустил окончание инкриминированной статьи. А почему он это сделал, легко додуматься, если мы приведем пропущенные строки: «Да, мы действительно русские, но мы верные граждане австрийского государства». Не ясно ли, что весь эффект, на который рассчитывал

г-н прокурор, этими словами убивается? Опять один грешок против правил при представлении исторических событий - нельзя вырывать места из исторических документов, а нужно приводить их, как они приведены в источнике, а то выйдет фальшивка!

Вот как имеется дело со смертельным ударом г-на прокурора! Как мы видели и при других тенденциозных процессах, перед судом употреблялись фальшивки, но они всегда проваливались. Надеемся, что и теперь выйдет такой же результат.

Теперь перейдем еще к одному, по крайней мере, странному курьезу - обвинению. Нас обвиняют также и в пропаганде «шизмы». Так называет наш обвинительный акт нашу православную, австрийскими законами признанную церковь, которая, по мнению обвинительного акта, угрожает австрийскому государству гибелью. В 20-м столетии возобновляется в высококультурной австрийской державе старая инквизиция

Наш обвинительный акт будет для будущих поколений историческим документом, показывающим, как относились австрийские государственные власти к православной, ими же признанной церкви.

(Председатель прерывает...)

Д-р Богатырец продолжает: - Я никогда не поднимаю голословных утверждений, а всегда базируюсь на конкретных фактах, так и в настоящем случае.

На странице 25 нашего обвинительного акта сказано, что агитация русофилов шла в направлении денационализации народа, выдвигая аргумент, будто бы первоначальная религия русского народа была православная.

Читаешь эти строки - и глазам не веришь. Возможно ли, чтобы образованный человек мог написать такую нелепость? И то еще в официальном документе, в обвинительном акте! Ведь весь мало-мальски образованный мир знает, что русский народ принял христианство из Византии, значит, восточное православие! И этой веры придерживается весь русский мир, за исключением маленькой части малороссов, которые в 1596 году под нажимом польско-католических властей перешли в унию с римским престолом, к которым принадлежат и русские галичане. Но хотя они и признали католические догматы, Папа Римский Климент VIII буллой от 24/12/1596 года «*Decet Romanum Pontificem*» гарантировал соблюдение всех православных обрядов. Потому-то и галицко-русский народ чувствовал себя всегда православным и никогда униатским.

На стр. 40-й этого же обвинительного акта встречаем совершенно путаницу: там упоминается раз греко-восточная вера, затем говорится о склонности к православной, значит,

русско-государственной церкви, и окончательно утверждает, что русофилы пропагандируют в народе учение православной церкви, что им, конечно, вменяется во зло, и за что их следует наказывать. Затем сказано на стр. 41-й и 93-й о православной пропаганде, что Лемковская касса ведет между преданным шизме населением пропаганду в пользу православия.

На стр. 58-й говорится о шизматической православной церкви. На стр. 111-й повторяется, что русофильские агитаторы стараются приобрести русское население для православия под предлогом, что их предки принадлежали к православной церкви.

(Военный прокурор прерывает оратора заявлением, что все эти цитаты взяты из докладов наместничества и министерства.)

Д-р Богатырец продолжает: - Это неверно. Я сейчас докажу, что г-н обвинитель и от себя называет православную церковь шизматической. Вот, на стр. 150-й обвинительного акта прокурор говорит от себя, что поучения, данные паломникам в Почаеве, в состоянии вызвать между народными массами массовый переход католических рутенов в «шизм». Ведь это же ваши, г-н обвинитель, *ipsissima verba*, а не цитата из документов властей!

(Председатель прерывает оратора заявлением, чтобы прекратить дальнейшую полемику между подсудимым и прокурором: «Я констатирую, что г-н прокурор только там, где он цитирует подлинные правительственные документы, называет православную церковь шизматической, а там, где он говорит от себя, называет ее православной».)

Д-р Богатырец: - Я уже только что доказал, что это извинение г-на прокурора неверно.

Адвокат д-р Штернберг: - Почему же г-н прокурор не употребляет в таком случае кавычки? Тогда не было бы недоразумений.

Д-р Богатырец продолжает: - Я уже неоднократно подчеркивал, что наши самые высокие власти, ни Министерство культов, ни наместничество, ни краевое правление (президиум), ни дирекция полиции совсем не церемонятся, когда говорят о нашей православной церкви, и называют ее с презрением бранным выражением «шизматическая», несмотря на то, что эта церковь признана законом и должна пользоваться всеми благодеяниями австрийских законов. Это было до сих пор во всех процессах, это повторяется и теперь. Делается ли это по невежеству или из-за гиперкатолического зелотизма, трудно определить. А так как это повторялось и в нашем процессе, я как член и священник православной церкви вношу энергичный протест против такого презрительного и оскорбительного официального отношения к православной церкви и со стороны властей, и со стороны

г-на прокурора и прошу этот мой протест зафиксировать в протоколе pro aeterna rei memoria: **ввиду того, что православная церковь принадлежит к законно признанным в Австрии церквям, я, ссылаясь на статью 15 Основного государственного закона от 28/12/1867 года и на междуконфессиональный закон от 1868 года, как тоже на распоряжение Галицкой краевой губернии от 19/6/1792 года, где название православной церкви «шизматической» категорически запрещается, наконец, на мнение Министерства культов от 5/5/1915 года, находящееся в актах нашего процесса, вношу торжественный протест против названия православной церкви «шизматической».**

Занимаясь изучением актов нашего процесса, я пришел к убеждению, что в них встречается совершенная путаница относительно православной, законами Австрии признанной церкви, и ввиду этого следственный судья д-р Гайт чувствовал себя обязанным просить Министерство культов прислать для разъяснения поучение о православной церкви, тем более что по актам получается совершенно темное понятие. Так, находим в актах мнение галицкого наместничества, что православная церковь в Австрии законом не признана, так как эта церковь тождественна с российской государственной церковью; в другом акте говорится, что православная церковь совсем что-то другое, чем Русская православная церковь, поэтому австрийское Министерство культов на запрос д-ра Гайта прислало авторитетный ответ, что Русская православная церковь - такая же, как православная церковь в Австрии, и русский царь - не глава церкви, а только ее защитник, так же, как и другие главы государств, где существует православная церковь. Это только *jus tutelae* право быть защитником православной церкви, и потому православная церковь упоминает главу государства и при богослужениях молится за него. У нас в Австрии наш император также имеет *jus tutelae* в православной церкви и имеет в православной церкви даже больше прав, чем русский царь в России. В Австрии епископов назначает император, также и профессоров богословского факультета, катехитов средних школ, кафедральных проповедников и управителей церковного имущества (фонда). Таких прав император России не имеет.

Ввиду того что обвинительный акт представляет православную веру и церковь в совершенно неверном свете, а именно что православие такого рода, что подрывает основы австрийского государства, и что переход к православному вероисповеданию и его церкви считается прямо-таки государственной изменой, я постараюсь на основании современной богословской науки представить дело в истинном свете и доказать неосновательность утверждений обвинительного акта.

Если православная вера и церковь такого рода, что уже переход к ней считается государственной изменой, тогда причина ее для Австрии столь опасного характера должна быть свойственна или ее учению, или ее существу. Если ближе рассмотрим дело, мы увидим, что это действительно не так. Основанная на востоке учением Христа Христова церковь - христианство было одно то же. Те же основные нормы, та же подлинная Христова наука, то же Священное писание, Евангелие, устройство были долгое время и на востоке, и на западе, куда с востока церковь быстро распространилась. Хотя в первоначальном христианстве было много центров, которыми первоначальная христианская церковь управлялась, все-таки она была едина, собирала всех христиан, соборная, самими апостолами - учениками Христовыми основанная – апостольская. Связывало ее в одно целое синодальное устройство (организация).

В случае каких-либо разногласий относительно учения или управления собирались епископы на соборах (синодах) и окончательно решали - авторитетно и безапелляционно, непогрешимо. Долгое время христианская церковь представлялась в целом мире единой. До последнего VII Вселенского собора в 787 году, в котором участвовала вся христианская церковь, были установлены все догмы учения и вообще все устройство церкви, обязательное для всей Христовой церкви.

Со временем, однако, возникли между востоком и западом серьезные разногласия по разным причинам.

Христианская церковь на востоке находилась под неограниченной автократией византийских царей, любивших вмешиваться в церковные дела, между тем как христианская церковь на западе с ее столицей Римом, далеко от византийского автократизма, была свободна и самостоятельна, и потому римский епископ западного центра успел выработать себе большой авторитет и пользовался на западе большим влиянием. Так родился так называемый «цезаро-папизм», а на западе «папизм». Между обоими папизмами много сходства. Византийский император старался иметь решительное влияние на восточную церковь, римский епископ старался подчинить себе всю западную церковь и навязать ей свою волю.

Из истории знаем, что могущество византийских императоров все больше падало, между тем как авторитет римского епископа-папы все больше рос, и он как самая влиятельная личность на западе часто выступал защитником запада перед всякими наездниками, как вандалы, гунны и другие. Таким образом, римский папа распространил свое влияние на весь запад, подчинил себе все церкви на западе и вообще считался самой важной личностью на западе. По-

чувствуя в себе силу и учитывая свое большое влияние на западе, римский папа захотел вовлечь в сферу своего влияния и власти и восток, на который посыпались всякого рода бедствия, нашествия всяких диких азиатских народов и которому угрожали могучие враги при постоянном падении могущества византийских царей.

Пользуясь хитро плохим положением византийского государства, которое, очевидно, шло к упадку, папа римский интенсивно работал над подчинением Риму восточной церкви.

Для повышения авторитета римского папы появилось в это критическое время, во второй половине девятого столетия (около 860 г.) так зовимое собрание папских декреталий (это известные фальшивки «Псевдоисидоровские декреталии»), собрание документов папских декретов, задачей которых было доказать, что римские папы сиздавна уже имели большие права над всей христовой церковью и этими правами они уже давно пользовались, что доказывается всякого рода декретами бывших римских пап, конечно, фальсифицированными. Выходило, что весь мир представляет теократическое государство, «Civitas Dei», под руководством римского папы как наследника Иисуса Христа. По этим принципам у папы два меча (один духовный, а другой гражданский). Он имеет право назначать государей на престол и снимать их с престола.

На западе удалось римскому папе так укрепить свою власть, что даже короли подчинялись ей (поход Генриха IV в Каноссу).

Конечно, Византия не могла согласиться с такими притязаниями римского папы, и потому между Византией и Римом возникли серьезные трения и противоречия. В это время на византийском престоле был несовершеннолетний император Михаил III, за которого управлял государством его дядя - цезарь Бардас, развратную жизнь которого резко порицал тогдашний константинопольский патриарх Игнатий. Бардас прогнал Игнатия с патриаршего престола, а на его место назначил Фотия, человека очень образованного и ученого. В это дело вмешался по поручению Бардаса Римский Папа Николай I, который энцикликой сместил с престола Фотия и восстановил Игнатия. Понятно, что Фотий не остался в долгу и такой же энцикликой низложил папу Николая за некомпетентное вмешательство в чужое дело.

Это было начало раздора запада с востоком, и, хотя затем наступили будто дружеские отношения между западом и востоком, окончательно все-таки в 1054 году пришло к разрыву, который продолжается до сегодня.

Следует отметить, что восточная церковь обвиняет западную в том, что она провинилась многими нововведениями, как, например,

известное «filioque», что Св. Дух исходит и от Сына, между тем как Вселенским собором константинопольским (381) решено обязательно для **всей** церкви, что Св. Дух исходит только от Отца, и папа Лев III (725-810) на таблицах, на стене Петровской церкви в Риме велел написать Символ веры так, как его установил Вселенский собор, значит, без «filioque», уча, что Св. Дух исходит только от Отца. Кроме того, обвиняет и за другие нововведения: причащение только в одном виде, пост в субботу, кушание молока и яиц в первую неделю Великого поста.

С 1054 года обе церкви порвали совершенно все сношения между собой. Таким образом, между обеими церквами настал раскол (это и есть славяноизвестная «шизма» из нашего обвинительного акта), которым латиняне последовательно с оскорбительным акцентом называют нашу православную церковь. Римские латиняне утверждают, что православная церковь откололась от римской и подпала под шизму, но в самом деле это не так, и православная церковь осталось такой, какой была вся вселенская церковь, с теми же догмами и тем же устройством, как первоначальная христианская церковь, без нововведений, значит, характер шизмы имеет римо-католическая церковь, заведшая много нововведений, а не православная, и потому выражение «шизма» в отношении к нашей православной церкви является не только с логической точки зрения неверным, но даже оскорбительным и бранным, и это выражение употребляется только в грубой полемике со стороны фанатических католических ревнителей против православия.

Благодаря неутомимой пропаганде и помощи католического правительства, латинянам иногда удавалось приобрести часть православных верных для католицизма в борьбе с унией. Так, благодаря усердной иезуитской пропаганде при сильной поддержке польских властей удалось перевести часть русского народа в польской державе на унию в 1596 году (Брестская уния). Так и в Буковине - в селе Боянах, Раранче и др. Но следует заметить, что эта уния не очень глубоко вкоренилась в сердцах народа, который при первой лучшей случайности радо возвращался опять к вере своих отцов, что, конечно, архикатоликам не очень нравилось, и потому-то австрийские правительственные власти и их прокуроры видят в этом совершенно природном явлении прямо государственную измену, как нам наш искусственный процесс доказывает.

Приняв во внимание все сказанное до сих пор о православной церкви, мы придем к обязательному заключению, что ни учение православной церкви, ни ее существенные организационные нормы не есть такого рода, чтобы угрожать безопасности государства, так

как целое основание православной церкви, догмы учения тождественны с такими же основаниями римо-католической церкви. Они были тождественны в целой первоначальной церкви и выработались вполне до 7-го Вселенского собора в 787 году. Они были общие, а с тех пор православная церковь не приняла никаких нововведений! Наконец, еще одно доказательство, нормирующее отношение православной церкви к государству по православному каноническому праву.

По каноническому праву существуют три взгляда на отношения между государством и церковью: 1) Государство находится в церкви. Церковь обнимает весь мир, следовательно, и государство. 2) Церковь находится в государстве, которое имеет право надзора над церковью, как над всеми общинами, находящимися в государстве. 3) Церковь находится в координации с государством.

Нормы под 1) придерживается римо-католическая церковь, которая утверждает, что весь мир находится в объеме церкви, значит, и все государства, которые должны подчиняться церкви.

Православная церковь придерживается нормы под 2) и учит, что церковь живет и развивается в государстве и подчинена его контролю, как все учреждения государства.

И в этом отношении православная церковь, которая в силу своего учения от самого Спасителя совестно отдает что следует кесарю - кесарю, а что Богу - Богу, не может давать ни малейшего сомнения касательно ее лояльности ввиду государства, если возьмем во внимание эту норму и еще и то обстоятельство, что имя императора гораздо чаще упоминается при богослужениях православной церкви, чем при латинских богослужениях.

При конце этой главы мне хотелось бы указать еще на два государственных документа, которые как нельзя лучше докажут, что православная церковь не может считаться для государства вредной и опасной – такой, чтобы переход или пропаганда в пользу этой церкви могли считаться государственной изменой. Ссылаюсь на интерконфессиональный закон от 1858 года, который устанавливает законное признание православной церкви, и на пояснение о православной церкви, данное на просьбу следственного судьи г-на Гайта.

Неужели можно допустить, что австрийское законодательство могло признать законом церковь опасную, ведущую к государственной измене, как ее представляет наш обвинительный акт? Неужели можно допустить, что такой высокий авторитет, как Министерство культов, могло выдать такое для неугодных полезное поучение, если бы эта церковь действительно была столь опасна?

Надеюсь, что это убедит и г-на прокурора, так что он свои тяжелые

обвинения, созданные на ложном понятии о православной церкви, теперь, узнав правду, возьмет обратно.

Так и я кончил мою защиту об общих обвинениях в панславизме, в русофильстве и шизме и в конце моей речи позволю себе за разрешением высокого военного трибунала сделать маленькое резюме на моих изложениях.

Панславизм – это ужасное пугало, коим пугают нашу большую Австрию журналисты либерального толка и услужливые патриоты-прокуроры, которые, не имея понятия о панславизме, пользуются отсталой брошюрой наивного фантаста Погодина, в программе которого будто бы было соединить австрийских славян в одно и, уничтожив Австрию, подчинить их России. Но в обвинительном акте мы не находим ни одного конкретного факта, как столь выдающийся панславист, как подсудимый Гадзюк^{*}, был бы против австрийского государства. Но я, говоря о панславизме и представляя его историческое значение, показал, что есть серьезный австрофильский панславизм, учение которого есть **не отрывать** от Австрии, а **присоединять** к Австрии всех балканских славян – болгар, сербов и др., а таким образом создать в Австрии под скипетром Габсбургской династии сильное, мощное средневропейское славянское государство. Только дайте разумного австрийского дипломата, с которым говорит так хорошо и искренне Скотус Виатор¹, который мог бы это великое и важное дело осуществить. Конечно, в таком случае должны бы прекратить безумные гонения в Австрии за панславизм и шизму, так как балканские славяне – убежденные православные христиане и ввиду того показали бы непрощенным антиславянским и антиправославным гостям дверь!

Очевидно, что панславизм Коллара и Ливчака не только безопасен для Австрии, но даже полезен и мог бы иметь для Австрии важное значение.

Как панславизм, так и русофилизм представляются для Австрии безопасными, так же безопасен для Австрии германофилизм австрийских немцев в отношении к немцам из Германии. Австрийские немцы исповедуют свое языковое и культурное единство с германским народом, а мы, австро-русы, исповедуем такое же единство с русским народом в России. А что это совершенно природное яв-

^{*}Выражение «столь выдающийся панславист, как подсудимый Гадзюк» следует понимать в ироническом смысле, так как подсудимый Гадзюк, по выражению оправдывающего его приговора, – «простой мужик, никакой выдающейся роли в общественной жизни не играл», а попал в подсудимые как продавец православных икон, в чем прокурор усматривал угрожающую Австрии «пропаганду шизмы».

ление, доказывают - как я доказал - и история, и филология доказательствами неопровержимыми, ибо **научными**. Да, мы русофилы, так как мы любим Русь, впрочем, это был бы плеоназм: мы не можем не любить Русь! Никто не в состоянии вырвать из нашей души любовь к нашему русскому народу. Мы вышли из народа и хотим быть в народе и ему служить. А что у нас полное право называть себя русскими и быть русскими, я доказал, без всякого сомнения, научными аргументами. За нас говорит история, филология, за нас говорят известные европейские знаменитости. И в этом отношении никто из нас не провинился, по крайней мере, обвинительный акт не приводит ни одного конкретного факта.

А что касается обвинения за православие – «шизму», то я могу точно сказать, что пусть преследователи церкви помнят, что и прежде были государства-преследователи за веру, но по ним уже след застыл, и теперь только история о них упоминает как о преследователях, погубивших несметное число мучеников за веру и церковь. А церковь и сегодня исполняет свою высокую просветительную задачу!

На этом я и кончаю.

ПРИМЕЧАНИЯ РЕДАКЦИИ

1. Скотус Виатор (Scotus Viator) - псевдоним Роберта Уильяма Сетон-Уотсона (R.W. Seton-Watson, 1879-1951), британского государственного деятеля, публициста и историка. Он посетил в 1906 г. Венгрию, после чего публиковал серию статей об угнетенном положении национальных меньшинств Австро-Венгрии с требованием предоставить им автономию. В 1908 г. под псевдонимом Скотус Виатор выпустил книгу «Расовые проблемы в Венгрии». Книга посвящена истории Венгрии и положению словацкого нацменьшинства.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО Д-РА К.Д. БОГАТЫРЦА ПЕРЕД ВЫНЕСЕНИЕМ ПРИГОВОРА, ПРОИЗНЕСЕННОЕ ПЕРЕД ВЕНСКИМ ВОЕННЫМ СУДОМ 25 ЯНВАРЯ 1917 ГОДА

Высокий военный трибунал, г-н председатель, г-да заседатели!

Итак, кончилось полугодичное разбирательство, и сегодня мы имеем право еще раз высказаться о процессе и еще раз поднести то, чем мы можем защититься против страшных обвинений, брошенных на нас обвинительным актом.

Обвинения против нас основал г-н прокурор на четырех уголовных камнях: на **панславизме, русофилизме, шизме** и на столь страстно ожидаемых им **свидетельствах наших украинских братьев и полицейских и политических органов**. И что в самом деле вышло? Все те основы не дали того, на что надеялся г-н прокурор.

Дело передано против всякого ожидания и права **военному** суду, несмотря на то, что мы, подсудимые, все же не принадлежим к военному, а к гражданскому сословию. Г-н прокурор в начале обвинительного акта поставил мифическую цифру **27 июля 1914 года** - это день, от которого у нас в Австрии начали действовать военные суды, и написал просто, что мы, от этой даты начав, провинились против государства то панславизмом, то русофилизмом, то шизмой, совершая этим государственную измену и принося ущерб оборонительной мощи Австрии и ее союзника Германии! В целом полугодичном временном интервале не указано ни одним конкретным фактом, коим мы до и после 15/7/1914 года совершили упомянутые преступления, но обвинитель, передав суд в надежные руки военного трибунала, и не очень силился с приведением конкретных фактов. А что мы, подсудимые Богатырец и Цурканович, после 25/7/1914 года не совершили ни одного наказания подлежащего действию, об этом свидетельствует самый авторитативный коронный свидетель Эдуард Фишер, комендант жандармерии края, который в своем рапорте от 23/11/1914 года докладывает, что мы оба после 25/7/1914 года ни одного подлежащего наказанию действия не совершили, что, конечно, как знаем, доказало и разбирательство!

И несмотря на все это, все-таки нас судят!

Неблагонадежным показался на этот раз и панславизм, на который обвинение полагало большие надежды. Он и раньше, при прежних процессах, еще проваливался и не приносил австрийским обвинительным властям, как мы видели из приведенных мною пан-

славистических процессов, особенных успехов, а теперь, когда он устарел и вышел из процессуальной моды, - еще менее. Теперь у нас в Австрии люди клонятся более на сторону австрофильского панславизма - включения балканских славян в сферу влияния Австрии. Впрочем, и в этой области обвинение не подало ни одного конкретного факта, который доказывал бы какую-либо преступную деятельность подсудимых за счет панславизма.

Никаких благоприятных доказательств и результатов не принес и ненавистный русофилизм. Процесс как нельзя лучше доказал, что наш русофилизм состоял исключительно в том, что подсудимые признавали языковое и культурное единство со своими закордонными братьями, но фактов какого-либо преступного характера не оказалось. Сотни свидетелей всякого калибра, и политических чиновников, и полицейских, и жандармов, и украинцев перешли перед нашими глазами, но ни один из них не указал на конкретный случай преступления уголовного закона. Значит, и тут ничего не вышло! Все мы были свидетелями жалкого выступления прокурорских свидетелей здесь, на разбирательстве, свидетелей из украинского табора; все они, как один муж, повторяли стереотипно почти теми же словами, как хорошо изученный урок (они готовились перед выступлениями на суде в украинском клубе депутатов австрийского парламента в Вене): «Мы, члены Украинской партии, между австрийскими рутенами единственные австрийские патриоты, а вот эти русофилы – это враги Австрии и хотят австро-русские земли оторвать от Австрии и присоединить к России». На вопросы защиты или подсудимых, на основании которых именно конкретных фактов они обвиняют русофилов в государственной измене, ответы были разнообразными, иногда даже смешными: «Русофилы говорят, что они - тот же народ, что русы», или «они пишут этимологией, как москали, а не фонетикой», или «они разговаривают по-московски», или даже потому, что «они не хотят идти вместе с украинцами» и т. д. и т. п.

А что украинские свидетели действительно готовятся украинским клубом и теперь при разбирательстве иначе показывали, чем прежде, **перед подготовкой**, я приведу только один, но очень маркантный случай. Свидетель **Купчанко** на предварительном следствии допрошен, показал, что я был всегда лоялен, воспитывал своих прихожан в лояльном духе, в том же духе были и мои проповеди, а на разбирательстве перед судом, перешедши чистилище в украинском клубе, он уже говорил в другом тоне, что он и не доверял мне, будучи убежден, что я как русофил только симулирую австрийский патриотизм. Он же в ясновидении насквозь меня видел как изменника Австрии; конечно, он не привел ни одного конкретного факта!

В живой еще памяти коронный свидетель против нас, бывший президент края барон Блейлебен, который сказал, что он твердо убежден, что русофилы - ожесточенные враги Австрии; он прямодушно признался, что он энергично преследовал Русско-национальную партию и во время, когда он состоял президентом, уничтожил ее в Буковине. Эта русофильская партия располагала миллионами рублей, посылаемых российским правительством. Украинские руководители жаловались у него, что русофильские райфайзенские кассы получают миллионы рублей и тем подкапывают авторитет украинцев в народе и подрывают жизнеспособность украинских райфайзенков. На вопросы судьи, адвоката Штернберга и подсудимого Богатырца, на основании которых конкретных фактов он так крепко убежден, что русофилы - враги Австрии и получают миллионы рублей, между тем как из показаний свидетелей Лупула и Поповича выяснилось, что русские райфайзенки получали кредиты только из румынской «Централи», а не из России, и что доказано, вне всякого сомнения, что кредитов русские кассы в России не получали, а только румыны были теми, кто спас нас от ликвидации! А что русские кассы были сильнее и кредитоспособнее украинских – неудивительно, потому что в русских кассах работалось честно, между тем как в украинских украинские вожди-руководители дефравдировали 6 337 477 крон 55 гел., которые крестьяне были обязаны уплатить, чтобы санировать украинские кассы. Все это доказала направленная государством ревизионная комиссия. Это общеизвестный факт.

На дальнейшие вопросы президент Блейлебен ответил, что у него нет других доказательств для обоснования своих утверждений, как только его глубокое убеждение, что русофилы действительно враги Австрии, в котором убеждении утвердили его еще и постоянные жалобы на русофилов со стороны украинцев!

Большие надежды полагало обвинение и на «шизму», в которой нас тоже обвиняли. Ведь же в архикатолической Австрии шизма была хуже чумы, и потому-то и суперлатив всех прокурорских ожиданий на приговор подсудимых; но и шизма не помогла.

Все, видно, фундаменты, на которых г-н прокурор созидал свои обвинения, рухнули при разбирательстве, потому что созидались они на песчаной почве полицейских и жандармских доносов, а никак не на каменной почве правды.

Ни панславизм, ни русофилизм, ни шизма не помогли прокурору, ни его свидетели, которых он массами приводил перед трибунал, ничего не помогло, все фундаменты рухнули, и правда победила; ни в одной области нашего широкого обвинения не показано ни одного преступного факта, потому что таких совсем не было. Часто г-н

прокурор вменял мне во зло, что Русско-народная партия выписала учительницу для русского языка из России, которая была вmeshана в шпионское дело и выселена административным путем из Черновиц. Удивительное дело: если немецкий бюргер выпишет для воспитания своей дочери учительницу из Берлина или Парижа, его никто не подозревает в нелояльности или в государственной измене, а когда мы выписали учительницу из России, это уже была измена. А чтобы ее выслать в Россию, придумано шпионство, хотя здесь не было никакого шпионства.

В совершенном согласии с честью я укажу на общеизвестный факт, что у нас в Буковине никогда ни один член Русско-народной партии не судился за шпионаж, а члены Украинской партии судились (шпионский процесс Бендак).

Также постоянно г-н прокурор не мог мне простить, что я ездил в Россию для приобретения кредитов для русских райфайзенских касс, чтобы доказать, что Русско-народная партия получала поддержку от российского правительства. Но и тут ничего не вышло. Напротив, на суде выяснилось, что ни в России кредитов не получали, а спасли нас наши добрые соседи румыны, назначив нам в своей «Централе» 4-миллионный кредит - и спасли нас от эвентуального краха. Это дело точно и вне всякого сомнения выяснил бывший тогда президент «Централа» д-р Лупул, который выступил на суде в качестве свидетеля и доказал, вне всякого сомнения, что наши райфайзенские кассы получали кредиты **только** у румын и нигде в другом месте. Я очень доволен, что дело в России для нас не выгорело, потому что уже то обстоятельство, что мы для наших райфазенских касс не получили в России кредита, хотя они, как показал свидетель - директор банка «Централа» д-р Лупул, были очень кредитоспособны, если Россия, несмотря на кредитоспособность, не хотела нам дать кредита, значит, занять деньги кассам с неограниченным ручательством, которые мы в известные сроки должны были отдать, тем менее она давала нам из симпатии или других причин. Вот самое основательное доказательство, что все утверждения обвинительного акта и свидетелей в этом отношении - безосновная ложь и клевета.

Очень часто г-н прокурор намекал на мое дисциплинарное следствие с распоряжения правительства за две лекции, читанные мною в научных клубах в Петербурге во время моей поездки за кредитами. Там просили меня проф. Духовной академии Пальмов и проф. университета Флоринский прочесть научные лекции о Буковинской православной церкви и о Буковинской Руси. Это я и сделал. Этими моими лекциями занялась как научная, так и газетная печать и на-

шла их интересными. В этих лекциях чисто научного характера я представил историю Буковинской православной церкви со времен ее христианизации до наших времен во всех ее фазах: под управлением Киевского княжества, затем Галицко-Владимирского и затем австрийского, причем я поднес с особым акцентом, что Австрия дала православной церкви новую и соответствующую времени организацию и основала большой ее церковный фонд, из которого покрываются все расходы содержания Буковинской православной церкви, что имя великого организатора Буковинской православной церкви императора Иосифа II всегда будет записано золотыми буквами в сердцах благодарных буковинских православных верных.

В том же смысле и духе я представил и другую лекцию о Буковине, ее истории, ее археологических раскопках и предметах и об открытиях Австрией в Буковине школ для просвещения народа, начиная от народных до университета. Затем я говорил о буковинском фольклоре, экономических и коммерческих делах, о русско-румынском населении Буковины, добавив и статистику, сколько живет в Буковине немцев, евреев, поляков, румын и русских.

Об этих лекциях писала, как уже сказано, как научная, так и газетная печать. Из русской печати перешли ведомости о моих лекциях в галицко-русскую и украинскую печать, которая-то последняя не могла пропустить такой случайности, чтобы не донести в своей печати на ненавистных русофилов, что они разъезжают по России и там совершают измену против Австрии. В таком денунциаторском виде внес в венском парламенте острую интерпеляцию и украинский депутат Пигуляк и затребовал от австрийского правительства наказания нелояльного хулителя Австрии перед Россией. Венское Министерство культов обратилось в черновицкую президию, и президент Блейлебен, стоявший совершенно под влиянием украинского депутата и любимца австрийского правительства Николая Василько, который и здесь выступал как свидетель, обратился к митрополиту с требованием, чтобы он меня сейчас снял с поста пароха в Становцах и назначил на какой-либо румынский приход, не оставляя меня как опасного для Австрии в русской части Буковины.

На это требование президента митрополит ответил, что он может меня наказать только на основании соответствующего результата дисциплинарной комиссии, которую он готов назначить, если правительство этого желает.

Президент согласился на дисциплинарное следствие, хотя неохотно, и затребовал, чтобы в дисциплинарной комиссии был тоже делегат правительства, с чем митрополит согласился.

Комиссия, которой было придано мое дело, состояла из одного

члена консистории Бежана и члена правительства немца Потака, самого близкого доверенного лица президента.

После долгих расследований дисциплинарная комиссия решила окончательно, что: 1) подлинного текста моих лекций в Петербурге нельзя установить, но, по всей вероятности, они были научного характера; 2) я виновен в том, что, не имея от консистории отпуска (что обязательно), а только от благочиния, поехал за границу. Ввиду того комиссия решила высказать мне строгий выговор за то, что я, вопреки ясному предписанию, без консисторского отпуска, поехал за границу с тем, что я в повторном таком случае буду наказан строже. С этим решением согласился и правительственный комиссар Потак.

Президент Блейлебен остался недоволен таким решением и отослал весь дисциплинарный акт черновицкой прокуратуре, чтобы она занялась этим делом и подготовила его для суда. Но черновицкая прокуратура, несмотря на все нажимы и интервенции президента и украинских политиков, возвратила акт правительству с ответом, что **она не находит в деле достаточного основания для уголовного обвинения!** Так ответила черновицкая прокуратура! Конечно, тогда были еще в силе **гражданский суд** и **гражданская прокуратура**.

После этой неудавшейся попытки президент Блейлебен обратился письменно к митрополиту, чтобы он административным путем перевел меня в румынскую парохию, выселяя меня из русской части Буковины, где я опасен. На это предложение ответил митрополит, что он этого никак не может сделать, так как для него авторитетным является решение дисциплинарной комиссии, тем более что и прокуратура не нашла причин для судебного вмешательства.

Значит, и эта иллюстрация моей столь опасной деятельности для австрийского государства и его военной мощи оказалась неподходящей и не принесла обвинению пользы и эффекта, на которые она так надеялась.

А теперь я после полугодового разбирательства поставлю вопрос: что мы, подсудимые, сделали после 25/7/1914 года, чем мы провинились, что нас обвиняют в государственной измене и в нанесении ущерба военной мощи государства и его союзников? Ни обвинение, ни разбирательство не указали **ни одного конкретного случая**. А что касается мистического числа 25/7/1914 года, об этом говорит категорически документ того же коменданта буковинской жандармерии полковника Фишера, который распорядился нашим арестом, документ с датой 23/XI/1914 года Е. № 917 Рез. Р., который ясно и точно устанавливает, что ни я, ни подсудимый Цурканович после 25/7/1914 года никакого подлежащего наказанию действия не совершили.

В чем мы виноваты? В том, что мы с большим усердием старались поднести культурный уровень нашего народа, в том, что наш русский мужик просветился, сделался независимым от ростовщиков и других паразитов, живущих за его счет и его труд? В том, что мы, основывая читальни, хотели дать ему умственную пищу и отвлечь от кабака, в котором он в свободное воскресенье или праздник проводил время и выносил туда все за неделю заработанные деньги? В том, что мы принадлежим к великому, многонадежному русскому народу, что мы не отрицаемся от нашего народа и не поклоняемся чужим богам? Да, мы русские и такими останемся даже тогда, если это кой-кому не нравится. Мы иначе не можем. Мы боролись и боремся легальным способом за наши права, которые нам по Конституции принадлежат, и за какую бы то ни было цену не перестанем вести эту борьбу. А что мы ведем эту борьбу законным путем, это показало разбирательство нашего процесса, так как на процессе не обнаружен ни один конкретный факт, который показал бы нашу вину. Даже наши принципиальные противники, выступавшие против нас со своими голословными обвинениями, кроме клеветы, не могли привести ни одной конкретной провинности.

Но из способа приготовления нашего процесса, из духа, царившего на нашем процессе, и, принимая во внимание результаты уже состоявшихся процессов против наших славянских братьев чехов и русских галичан, нас, по всей вероятности, ожидает, несмотря на все сказанное, та же судьба, и потому, взяв во внимание апокалиптическую, но неуместную цифру 25/7/1914 года, дату наших «преступлений» и приделение нашего процесса военному суду, легко можно предвидеть, что нас военный суд приговорит к смертной казни, но я убежден, что ту Австрию, которая нас сегодня приговорит к смертной казни, я, наверно, переживу!

ЛИТЕРАТУРА

Иов 2011 - *Епископ Иов (Смакоуз)*. Священник Игнатий Гудима (1882-1944) – мученик за православную веру и русские идеалы на Галицкой Руси // Русин. 2011. № 3. С. 74-94.

Талергофский альманах 1 - Талергофский альманах. Пропамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпаторусским народом во время Всемирной войны 1914-1917 гг. Издание «Талергофского комитета». Выпуск первый. Львов: типография Ставропигийского института под управлением А.И. Яськова, 1924. 209 с.

Суляк 2011 - *Суляк С.Г.* Русины: из истории православной традиции

// Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2011. № 3. С. 130-134.

References

Bishop Iov (Smakouz) (2011) Priest Ignatii Hudima (1882-1944) - Martyr for the Orthodox Faith and Russian Ideals in Galician Rus'. *Rusin*. 3. pp. 74-94 (in Russian).

Talergofskiy al'manakh (1924) Propamyatnaya kniga avstriyskikh zhestokostey, izuverstv i nasiliy nad karpatorusskim narodom vo vremya Vsemirnoy voyny 1914-1917 gg. [Talerhof Almanac. Memory book of Austrian cruelty, fanaticism and violence against the Carpathian-Russian people during the World War of 1914-1917]. Issue. 1. Lviv: tipografiya Stavropigiyskogo instituta pod upravleniem A.I. Yas'kova. 209 p.

Sulyak, S.G. (2011) Rusins: fragment of the history of the orthodox tradition. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya – Bulletin of Udmurt University. History and Philology*. 3. pp. 130-134 (in Russian).